

INSPIRIA

МЕГАН МИРАНДА

«ЭТОТ РОМАН ЗАТЯГИВАЕТ В ЗЫБУЧИЕ ПЕСКИ
НЕВЕРОЯТНЫХ СЮЖЕТНЫХ ПОВОРОТОВ».

BOOKBUB

ДЕВУШКА ИЗ УИДΟΥ-ХИЛЛЗ

INSPIRIA

Ток. Слишком близко. Семейные триллеры

Меган Миранда

Девушка из Уидоу-Хиллз

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Миранда М.

Девушка из Уидоу-Хиллз / М. Миранда — «Эксмо»,
2020 — (Ток. Слишком близко. Семейные триллеры)

ISBN 978-5-04-117817-8

Все знают историю о девушке из Уидоу-Хиллз. Арден было шесть, когда ее, блуждающую ночью во сне, смыло грозой и унесло в систему труб под городом. Тогда вся страна с замиранием сердца следила за продолжавшейся три дня спасательной операцией. Теперь Арден зовут Оливия. Сменив имя и разорвав все связи, она живет в небольшом доме на окраине, и больше всего боится, что прошлое снова всплывет на поверхность. Уже двадцать лет она не ходила во сне — до той самой ночи. Ночи, когда она просыпается во дворе и обнаруживает себя стоящей над трупом. Кажется, ей снова предстоит оказаться в самом центре событий. «Этот роман затягивает в зыбучие пески невероятных сюжетных поворотов». BookBub

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117817-8

© Миранда М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Меган Миранда

Девушка из Уидоу-Хиллз

Megan Miranda

THE GIRL FROM WIDOW HILLS

Copyright © 2020 by Megan Miranda

Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

Перевод с английского Юлии Каллистратовой

Художественное оформление Яны Паламарчук

© Каллистратова Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается моей семье

Пролог

Я БЫЛА ДЕВОЧКОЙ, которая выжила.

Девочкой, которая продержалась. Девочкой, за которую молились – или делали вид, что молились, а сами благодарили бога, что не их ребенок пропал где-то там, в темноте.

А потом я стала чудом. Сенсацией. Историей – одной из тех, что нравятся всем.

История в самом деле была хороша: вдохновляющий пример человечности, надежды и силы духа. Счастливая развязка драмы, едва не обернувшейся трагедией, вызвала чуть ли не благоговение. Не важно, от искренней радости или просто от сильного потрясения – восторг был одинаковый.

На какое-то время я прославилась. У меня брали интервью, обо мне писали в газетах, даже вышла книга. Случай вновь привлек внимание репортеров через год, потом через пять лет, потом через десять.

Теперь я знала, каково это – когда твоя история перестает тебе принадлежать. Когда ты превращаешься в нечто, подогнанное под формат газетной полосы. В то, что хорошо продается.

Образ той девочки застыл во времени, обретя начало, середину и конец: жертва – стойкость – триумф.

Хорошая история. Хорошее чувство. Счастливый конец. Занавес.

Можно подумать, история закончилась, как только о ней забыли в новостях, перестали писать статьи и заговорили о чем-то другом. Как будто она не была лишь началом.

Одно время я понимала, чего так хотелось людям. Возврата к общей точке соприкосновения, когда кто-то говорил: «Та девочка из Уидоу-Хиллз, помните?»

Тому мгновению, когда переполнял ужас, надежда и облегчение – все сразу.

Хорошее чувство.

ТОЙ ДЕВОЧКОЙ Я НЕ БЫЛА уже давно.

Глава 1

Среда, 19:00

ПОСЫЛКА СТОЯЛА у самого крыльца на клочке земли, который никак не желал зарастать травой. Беззащитные перед стихиями картонные стенки, мое полное имя, потекший адрес. Коробка поместилась у меня на бедре, как ребенок.

«Я поняла, что ее нет, еще до того, как проснулась».

Первой строчкой в книге моей матери стали слова, якобы сказанные ею, когда приехала полиция. Фраза, месяцами повторявшаяся в каждом интервью и транслировавшаяся в миллионы гостиных по всей стране.

Прошло почти двадцать лет, но именно эти слова эхом вертелись у меня в голове, пока я поднималась с посылкой по деревянной лестнице. Тот дрогнувший голос. Знакомая интонация.

Я заперла за собой входную дверь и, пройдя под аркой в коридор, внесла посылку на кухню. Содержимое коробки сдвинулось, почти невесомое.

Когда я поставила посылку на стол, послышался глухой стук – много шума из ничего. Я сразу направилась к выдвижному ящику у раковины, стараясь не оттягивать момент дольше, чем он того заслуживал.

Канцелярский нож скрипнул по трехслойной ленте. Края коробки отсырели на мокрой земле, прилипшая крышка поддалась с трудом. Внутри – холодная темнота.

«Я поняла, что ее нет...»

В лучшем случае эти слова были банальностью, в худшем – неправдой, эффектной находкой, придуманной постфактум.

Может, мать в это и верила. Я-то почти нет, за исключением редких приливов сочувствия – как теперь, когда на меня смотрело печальное содержимое полупустой коробки. Прямо сейчас мне страшно хотелось поверить, что в какой-то миг между нами и правда возникла некая связь, что мать действительно почувствовала мое отсутствие: покалывание в затылке, ее зовущий голос в полутемном, вечно сыром коридоре; мое имя – «Арден?», отскочившее от стен, хотя она знала – наверняка знала, – что ответа не будет; чуть приоткрытая входная дверь – первый верный признак беды; и москитная сетка, захлопнувшаяся со стуком, когда мать босиком побежала по мокрой траве, в пижамных штанах и выцветшей футболке, выкрикивая мое имя, пока у нее не пересохло в горле. Пока не сбежались соседи. Полиция. Репортеры.

«Чисто интуитивно».

Вторая строчка из ее книги. Она прямо-таки почувствовала, что меня нет.

Чего не скажешь обо мне. Матери не было в живых семь месяцев, прежде чем я узнала о ее смерти. Прежде чем поняла, что она не просто ушла в запой или скользнула в жизнь очередного хахаля, одновременно стряхнув с себя кожу предыдущего, уверенная, что я только рада не получать от нее никаких вестей.

Все это время меня не оставлял смутный страх, что, куда бы я ни уехала, сколько бы стен ни выстроила между нами, однажды мать появится, как привидение: я выйду на работу, а она тут как тут – на крыльце, маленькая, с чересчур широкой улыбкой и чересчур худыми руками. Притянет меня к себе и засмеется, словно вызванная из небытия.

Правда добиралась до меня семь месяцев из-за бумажной волокиты и свойства матери вечно оказываться на дне. Передозировка в округе, переполненном передозировками, в одном из глухих штатов, погребенном под расплзающейся эпидемией зависимости. При ней не

нашли ни водительских прав, ни адреса. Она долго оставалась неопознанной. Пока однажды не всплыло имя.

Возможно, кто-то ее хватился – один из тех мужчин, которые все на одно лицо. Или отпечатки пальцев вдруг обнаружили в системе. Не знаю, да это и не имеет значения.

Так или иначе, имя стало известно: Лорел Мэйнон. После чего ей опять пришлось ждать. Пока кто-то не присмотрелся, не копнул глубже. Может быть, она когда-то попадала в больницу и записала меня как родственницу. А может, и вовсе не было никакой привязки, просто кого-то вдруг осенило: «А это, часом, не мать той девочки? Девочки из Уидоу-Хиллз?» Вспомнили историю, газетные заголовки. Зацепились за слабый след в официальных бумагах.

Когда в телефоне назвали имя, которым я давно не пользовалась, до меня все еще не доходило. Никакого предчувствия до того самого момента, когда мне сказали напрямик:

«Это Арден, дочь Лорел Мэйнон? Мисс Мэйнон, боюсь, у нас плохие новости».

Даже тогда я подумала о чем-то другом. Что мать арестовали и она просит освободить ее под залог. Готовая совсем к другой эмоции, я стиснула зубы, призвала всю свою решимость...

По их словам, она умерла семью месяцами раньше. О ритуальных формальностях позаботились на деньги округа, после того как умершая долго оставалась неопознанной.

Теперь моя мать – горстка личных вещей, которые требовалось забрать. Я представила, с каким облегчением ее вычеркнули из списка нераскрытых дел, наспех записав мой адрес на том, что от нее осталось, трижды запечатав все упаковочной лентой и отправив через полстраны.

В посылке лежал конверт с безличным перечнем содержимого: «одежда, полотняная сумка, телефон, украшение». На одежду тянул только зеленый свитер, сильно поношенный, с обтрепанными рукавами, который, как я поняла, был на ней надет. Мне не хотелось думать о состоянии всего остального, если, кроме этого свитера, прислать было нечего. Еще там лежала потерявшая форму сумка с размытым пятном, оставшимся от надписи или рисунка. Под сумкой – мобильный телефон. Я повертела его в руках: старая, поцарапанная раскладушка чуть ли не десятилетней давности.

На дне, в целлофановом пакете, лежал браслет. Я опустила его на ладонь, и с руки свесился амулет на когда-то позолоченной, теперь же окислившейся до зеленовато-черного цвета цепочке. Балетная туфелька с бантиком и крошечным блестящим камнем в середине.

Я задержала дыхание – амулет продолжал раскачиваться, как метроном, отсчитывая время, даже когда мир замер. Каким-то образом уцелевший кусочек нашего прошлого, который она так и не продала.

Даже мертвые способны удивлять.

В это мгновение, с браслетом в руке, я почувствовала, как что-то сильно сжалось в груди, преодолевая наш разрыв, сокращая пропасть между этим миром и следующим.

Браслет соскользнул с ладони и, извиваясь змейкой, упал на стол. Я сунула руку в коробку, шаря по дну в поисках чего-то еще.

Ничего больше не было.

Свет в комнате переместился, словно сдвинулись занавески. Или тень от деревьев за окном. Голова вдруг закружилась, в глазах потемнело. Я ухватилась за край стола, чтобы не упасть. Мне послышалось какое-то дуновение, будто комната резко опустела; я вдруг почувствовала ту пустоту, о которой говорила мать.

Из коробки пахло землей, затхлостью; со всех сторон меня обступили холодные, сырые стены. Я инстинктивно шагнула к двери.

Двадцать лет назад я была той девочкой, которую смыло во время ливня и унесло в трубы под землей. Несмотря ни на что, я выжила. Устояла перед натиском течения, удерживая голову над водой до тех пор, пока безжалостный поток не схлынул и я не пробралась к дневному свету и не вцепилась в решетку – где меня в конце концов и нашли. На поиски ушло почти три дня, но

в моей памяти ничего о том времени не сохранилось. То ли за давностью лет, то ли благодаря инстинкту самосохранения, сознание щадило меня до тех пор, пока я уже при всем желании не могла ничего вспомнить. Остался только страх. Страх замкнутых пространств, бесконечной тьмы, из которой нет выхода. Инстинкт вместо воспоминаний.

Мать всегда говорила, что мы из тех, кто выживает. Долгое время я ей верила.

Наверное, пахла сама коробка, всю ночь вбиравшая в себя ароматы прохладного вечера и влажной земли. Частичка стихий, внесенная внутрь.

Но на мгновение я вспомнила, что не удавалось раньше. Или когда-либо вообще. Вспомнила темноту, холод и свою маленькую ручку, крепко вцепившуюся в ржавую решетку. Собственное, прерывистое в тишине дыхание и что-то еще, очень далекое. Какой-то слабый отзвук, эхо крика. Мое имя, несущееся по ветру в непостижимую тьму – на мили вокруг, под землю, где я надеялась, что меня найдут.

СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

17 октября 2000 года

Обращаемся к жителям за помощью в поисках шестилетней Арден Мэйноу, которая пропала либо вчера поздно вечером, либо сегодня рано утром. Каштановые волосы, карие глаза, рост чуть больше метра, вес около 17 килограммов. В последний раз ее видели спящей в своем доме на улице Уоррен, недалеко от центра Уидоу-Хиллз, на ней была голубая пижама. Просим всех, у кого есть какая-либо информация, срочно позвонить по номеру, указанному на экране.

Капитан Морган Ховард

Отделение полиции, Уидоу-Хиллз

Глава 2

Пятница, 03:00

Я ОПЯТЬ УСЛЫШАЛА свое имя, доносившееся откуда-то издалека, из темноты.

«Лив. Эй, Лив». Голос приближался. «Оливия». Картинка стала четче, голос мягче. Дважды моргнув, я различила перед собой живую изгородь, низко свисающие ветви и сквозь листья – потусторонний отсвет от соседнего дома.

Потом уже лицо Рика, белизну его майки, когда он, повернувшись боком, протискивался через кусты, разделявшие наши участки.

– Все хорошо, – сказал он, подойдя ближе и выставив вперед руки, словно боялся спугнуть. – Ты в порядке?

– Где я?

Я никак не могла прийти в себя. Холодный ветер, ночь, Рик, стоящий передо мной в футболке и серых спортивных штанах, морщинки вокруг его глаз, мозолистые руки, которыми он взял меня за локти – и отпустил. Я оступилась и тут же скорчилась от боли в ступне, пронзившей меня сквозь туман. Я была снаружи. Мы стояли во дворе, среди ночи...

Нет. Только не это. Не опять.

Рефлексы были еще слишком замедленны, и паника пока не наступала, но я понимала, что очнулась на улице, босиком и с пересохшим, саднящим горлом. Наскоро осмотрела себя: намокшие края пижамы, ладони в песке и грязи, острая боль в ступне.

– Не волнуйся, я помогу. – Положив руки мне на плечи, Рик развернул меня обратно к дому. Как отбившееся животное, которое нужно завести внутрь. – Ничего страшного. Мой сын тоже иногда ходил во сне. Правда, только по дому.

Я пыталась сосредоточиться на его губах, на словах, которые он произносил, но что-то от меня ускользало. Голос звучал издалека, все вокруг расплывалось. Я еще не до конца вернулась в реальность.

– Нет-нет, я не спала. – Собственные слова царапали мне горло. Во рту все горело, безумно хотелось пить. – Со мной такого больше не бывает, – добавила я, с усилием поднимаясь по ступенькам крыльца. Ноги покалывало, как после долгого онемения.

– Хм, – сказал он.

Я говорила правду. Затянувшиеся ночные кошмары – да, особенно в преддверии годовщин несчастного случая, когда все всплывало на поверхность. Когда любой стук в дверь, любой неизвестный звонок вызывал у меня спазмы в желудке. Однако хождение во сне не повторялось с детства. Поначалу мне давали лекарства, а к тому времени, когда я перестала их принимать – раз пропустила, второй, потом забыла продлить рецепт, – эпизоды больше не возобновлялись. Отголоски прошлого, ничего больше. Как и все прочее, что осталось в прошлой жизни, у той девочки.

– Что же, по-видимому, еще бывает, – отозвался Рик.

Свет от крыльца отбрасывал на двор длинные тени. Рик надавил на дверную ручку – она не поддавалась. Нажал еще раз и вздохнул.

– Как же ты ухитрилась-то? – Он посмотрел мне на руки, словно ожидая увидеть там ключ, прищурился при виде грязных ногтей, перевел взгляд на запачканные кровью ноги.

Мне захотелось объяснить ему, на что способно мое подсознание. Рассказать о моем инстинкте выживания. Только ночь вдруг решительно заявила о себе порывом холодного ветра, и моя кожа покрылась мурашками. В Северной Каролине даже в летние ночи не забыва-

ешь, что ты высоко в горах. Рик поежился, глядя в сторону, будто надеялся предугадать приближение следующего порыва.

– У тебя ключа не осталось? – спросила я, обнимая себя руками.

Изначально ему принадлежали оба участка, я у него этот дом и купила. Рик сам спроектировал его для сына, который вот уже несколько лет как уехал из города.

Лицо Рика напряглось, уголки губ опустились.

– Просил же тебя сменить замки.

– А я и собираюсь. У меня даже записано. Так что насчет ключа?

Он покачал головой.

– Я отдал тебе все, которые у меня были.

Теперь я сама подергала ручку, представляя другую версию себя. Ту, что, должно быть, закрыла изнутри замок, прежде чем захлопнуть дверь. Мышечная память. Безопасность прежде всего.

Я подошла к окну гостиной – доски крыльца закрипели под ногами. Попыталась поднять раму... та не поддавалась.

– Лив, – не отставал Рик, пока я вглядывалась в темное окно, прижав ладони к стеклу. Ни одна лампочка в доме не горела. – Будь добра, поменяй замки. Понимаешь, среди друзей моего сына есть разные люди...

– Рик. – Я повернулась к нему. Сосед никак не мог забыть, каким это место было в прошлом, задолго до моего приезда. До того, как здесь появились больница, новостройки, блестящий новенький асфальт, рестораны и толпы людей. – Если бы меня хотели ограбить, то не стали бы ждать так долго. – Он собрался возразить, но я его остановила. – Ладно, поменяю. Хотя сейчас это вряд ли поможет.

Он вздохнул, и дыхание превратилось в пар.

– Может, ты как-то иначе выбралась?

Я сошла за ним с крыльца и осторожно зашагала по высокой траве. Мы обогнули дом. До окна моей спальни снаружи не достать, к тому же оно явно заперто. Попробовали открыть заднюю дверь, потом окна кабинета и кухни – все, до чего смогли дотянуться.

Ничто не потревожено, все заперто наглухо. Рик поднял глаза на рифленое чердачное окно, выходящее на небольшой, чисто декоративный балкон, и нахмурился. Оно было приоткрыто.

– Ну, это уж слишком, – протянула я, с трудом подавив озноб.

Вторым этажом никто не пользовался, он пустовал, лишь в углу стояло деревянное кресло-качалка, чересчур громоздкое, чтобы стащить его вниз по лестнице. Такое впечатление, что его прямо там и сделали. В центре потолочной балки – единственном месте, где можно было выпрямиться, – висела одинокая лампочка.

Наверх вела узкая лестница, втиснутая за дверью в коридоре. Сам чердак был настолько тесным и темным, что там становилось не по себе. Оттуда доносились все звуки, которые издавал дом: шум воды в трубах, гул отопления, жужжание вытяжки. Я поднималась туда редко, разве что немного прибраться. И всякий раз неизменно начинала с того, что открывала это окно – облегчить задачу.

Я слышала, что если очутиться глубоко под водой и не знать, где поверхность, то можно сориентироваться, выпустив воздух и следуя за пузырьками к спасению. Открытое окно служило мне таким ориентиром. Если бы когда-нибудь понадобилось, поток воздуха подсказал мне, где выход.

Видимо, в последний раз я забыла его закрыть. Однако прыжок оттуда закончился бы более плачевно, чем испачканные руки и оцарапанная ступня.

Рик провел ногой по траве, и я заметила, что он тоже босой. Значит, услышал меня среди ночи и прибежал на помощь, даже не подумав обуться или прихватить куртку.

Сосед направился к заднему крыльцу, я поплелась за ним.

– Сын тут всегда прятал ключ... – Он наклонился и пошарил в трещине под лестницей. Вытащил что-то, покрытое грязью. Оперся о колено, выпрямился и положил мне на ладонь кусочек металла. – Надо же, все еще здесь.

Я вставила ключ в скважину и открыла дверь.

– Ура, – обрадовалась я.

Протянула ключ Рику, но тот его не взял.

– Ну пожалуйста, на всякий случай, – настаивала я. – Пусть у тебя будет запасной.

Продолжая хмуриться, Рик все же взял ключ и положил в карман. Ночью сосед выглядел каким-то другим. Обычно ходил в джинсах, фланелевой рубашке и туго зашнурованных рабочих ботинках, несмотря на то что давно уже не работал подрядчиком. В начале года ему исполнилось семьдесят. Седые волосы обрамляли лицо с глубокими морщинами – видно, что человек провел десятилетия на солнце, своими руками выстраивая жизнь. Он по-прежнему возился в сарае, постоянно предлагал вместе достроить мой верхний этаж. Сейчас он выглядел другим не только из-за непривычной одежды, он как-то вдруг состарился. Стал будто хрупким. Контраст был удручающим.

Рик вошел в дом первым, включил свет и обвел глазами кухню. В раковине стоял бокал из-под вина. Я почувствовала непреодолимое желание прибраться, доказать, что забочусь об этом месте. Что я его достойна. Несмотря на кажущуюся мягкость, Рик был проницателен, его взгляд постоянно перемещался – к сводчатому входу, к темному коридору.

Именно к Рику я прибежала за помощью, когда однажды на крыльце обнаружила детеныша летучей мыши; когда увидела у самого порога змею; когда мне мерещились шорохи в кустах. Сосед сказал, что летучая мышь, вероятно, заблудилась, и прогнал ее метлой; заверил, что змея безвредна; велел мне топтать ногами, шуметь и всячески заявлять о своем присутствии, чтобы отпугнуть всю живность, которая рыщет по кустам. Разросшийся в последние пару лет город загнал диких зверей глубже в леса, но ушли не все. Кое-какие остались. Заявляли о себе. Отстаивали свои права.

Рик оглядывал дом, словно видел его в прошлом: с другими людьми и другой историей.

– Я тебя услышал, – сказал он, теребя золотое кольцо на безымянном пальце. – Услышал, как ты кричала.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить свой сон. Понять, что именно кричала. Звала кого-то или просто на помощь? Слова вертелись на языке, пока глаза скользили по поверхности кухонного стола. Посылка с вещами матери стояла теперь в шкафу, в спальне, куда я поставила ее два дня назад.

– Извини, что напугала, – сказала я.

– Да ничего.

Руки старика слабо дрожали, что случалось теперь все чаще и чаще. То ли начало болезни, то ли тяга выпить. Я не спрашивала. Как и он не спрашивал меня о руке, хотя часто задерживал взгляд на длинном шраме; каждый раз пристально всматривался, прежде чем отвести глаза.

Дрожащими пальцами Рик вынул у меня из волос увядший лист, застрявший где-то над ухом. Вероятно, я подцепила его, когда пробиралась сквозь низко висящие ветки между нашими участками.

– Хорошо, что я тебя нашел.

Я покачала головой.

– Со мной такое раньше случалось. Ходила во сне. Но все давно прошло, – повторила я, как ребенок, который отказывается во что-то поверить.

Он кивнул. Часы на микроволновке показывали 03:16.

– Постарайся немного поспать, – посоветовал он, открывая дверь из кухни.

Вставать меньше чем через три часа. Бессмысленно ложиться.

– Ты тоже.

– Не забудь запереться, – крикнул Рик с заднего крыльца. Дверь захлопнулась, в ящике задребезжали столовые приборы. Шлепанья босых ног почти не было слышно, когда сосед спускался по ступенькам.

Теперь я сама осматривалась вокруг, проверяя, не побывал ли кто в доме. Задержала дыхание, прислушалась, хотя знала, что была одна.

Ведя пальцами по темной стене, я подошла к открытой двери в спальню. Щелкнула выключателем. Простыни выдернуты из-под матраса и смяты в ногах. По спине поползли мурашки. Знакомая сцена – все признаки ночного кошмара, хотя кошмаров не повторялось уже много лет. В детстве врачи приписывали эти эпизоды посттравматическому синдрому, вызванному ужасами трех дней, проведенных под землей.

Это все из-за посылки, решила я. Мое подсознание, спровоцированное воспоминанием о холоде и темноте – не важно, было ли такое на самом деле. После несчастного случая мне еще долго снился один и тот же кошмар: камни – везде, куда только могла дотянуться. Холодные и сырые. И бесконечная тьма.

Я просыпалась от жуткого ощущения, что меня обступают стены, откидывала простыни, дергала руками и ногами, отпихиваясь от чего-то несуществующего. На месте воспоминаний остался один страх.

В таких случаях мама делала горячий шоколад и давала таблетки, чтобы меня успокоить. Закрывала ночью дверь на крючок и вешала погремушку – чтобы проснуться и вовремя меня остановить.

Я повернулась и посмотрела назад, в коридор – свет из спальни падал на деревянный пол. По нему тянулся след из капель крови. Я не знала, были ли они там до того, как я вышла из дома, или появились теперь. След обрывался у кухни. Она и комната, которую я использовала как кабинет, находились слева; а справа под аркой начиналась гостиная, ведущая прямо к входной двери. Больше крови нигде не было. Только в коридоре.

Я вошла в гостиную и села на диван, чтобы исследовать порез на ноге. Сначала подумала: заноза. Однако там что-то блеснуло. Что-то металлическое? Нет, стекло. Я вытащила осколок ногтями и, прищурившись, поднесла к свету, чтобы рассмотреть получше. Маленький и острый, неопределенного цвета из-за грязи и крови. Я оглядела комнату. Ваза на журнальном столике, зеркало над диваном, лампа на тумбочке. Ничего разбитого или не на месте.

Я обошла комнату за комнатой. Даже поднялась наверх, хотя разбиться там ничего не могло. По лестнице пришлось подниматься на ощупь, касаясь узких стен. Лунный свет косо пробивался сквозь открытые окна, и тень от кресла-качалки четко вырисовывалась на полу. Я дернула за цепочку, но свет не зажегся. Ощупала пространство над головой – патрон пустой. Была ли там вообще лампочка?

Я вздрогнула от порыва холодного ветра. Захлопнула оконные створки, набросив между ними крючок – без защитной сетки внутрь могла залететь птица.

От взгляда в ночь с этой высоты мне стало не по себе. Борясь с подкатившей паникой, я бросилась вниз продолжать поиски. Проверила полки, окна, пересчитала чашки в буфете, заглянула в мусорный бак. С каждой минутой мной все сильнее овладевало беспокойство.

Никаких следов ночных походов.

СТЕНОГРАММА ИНТЕРВЬЮ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

18 октября 2000 года

Она совсем еще малышка. Ну, вы же видели фотографию. Большие карие глаза и копна волос.

Я заметила ее ночью из окна кухни – она стояла прямо посреди улицы. Еще до того, как пропала. Может быть, месяцем или двумя раньше. У меня тогда дочка болела, я пошла принести ей воды. Сначала перепугалась – снаружи кто-то стоит и таращится. Потом включила свет на крыльце и узнала ее. Окликнула, но девочка не ответила. Я знала, чья это девочка, знала ее мать. Они живут не так далеко, наверное, и мили не будет. Вот только она стояла босиком, в темноте. От их дома до нашего надо перейти три или четыре улицы – слава богу, в такое время машины здесь почти не ездят.

Я к ней подошла, позвала по имени... Малышка как сквозь меня смотрела. Знаете, таким остекленевшим взглядом.

МЭРИ ЛОНГ

Жительница Уидоу-Хиллз

Глава 3

Пятница, 06:00

О СНЕ НЕ МОГЛО БЫТЬ и речи. Адреналин зашкаливал, я силилась понять, что же произошло, пока сознание бездействовало.

Со светом все казалось спокойнее. Осколок мог появиться откуда угодно. Мог вообще давно валяться где-то снаружи и из-за дождя всплыть на поверхность.

Замешательство и страх – последствия пробуждения черт знает где, без представления, как я туда попала. Биологическая реакция. Нельзя останавливаться, надо себя чем-то занять. Не давать мыслям возвращаться к содержимому посылки. Свитер. Телефон. Сумка. Браслет.

Я долго стояла под душем, сосредоточившись на неотложных рабочих делах: ежеквартальном отчете для больницы и упрямом бюджете, который неумолимо требовал сокращений. Мне предстояло компетентно высказаться по этому поводу. После двух лет работы я все еще старалась себя зарекомендовать.

Когда я одевалась, зазвонил будильник. Выключая его, заметила сообщение, которое пришло ночью, сразу после полуночи.

При виде имени Джоны Лоуэлла все внутри сжалось. Как и всегда. Даже сейчас.

«Думаю о тебе».

Ну конечно. Ни с того ни с сего, после нескольких месяцев молчания, дождавшись, пока я успешно сотру его из памяти. И, разумеется, среди ночи, чтобы я представила его у себя в гостиной: взъерошенные волосы, ноги на подлокотнике и стакан виски рядом с ноутбуком.

Последний раз он появлялся тремя месяцами раньше, в мае, написал мне: «Приедешь на выпускной?»

С Джоной всегда лучше быть начеку.

Тогда, в мае, я поддалась импульсу, скользнула в бесконечный разговор, нескончаемый флирт. Дала уговорить себя на встречу. Теперь-то я ученая.

На расстоянии легко забыть, почему у нас ничего не получалось.

Как бы то ни было, работу в городе Централ-Вэлли я получила именно благодаря Джоне. Он ехал сюда на время как консультант и предложил пристроить меня в аспирантуру по управлению в сфере здравоохранения, а себя – в качестве моего научного руководителя. Я согласилась, даже не выяснив, что это за место: новая больница в глубинке, необходимая местным жителям, но пока не утвердившаяся ни в своем статусе, ни в финансировании. Врачи и медсестры ехали сюда неохотно, не говоря уже о том, чтобы остаться.

Сентрал-Вэлли располагался на полпути от одного населенного пункта к другому, но не настолько близко, чтобы каждый день ездить сюда на работу. Колледж тоже находился намного дальше к востоку, так что сюда доезжали только лыжники, направлявшиеся в горы. Городишко выполнял роль пит-стопа, санитарной остановки между окраиной города побольше и удаленными домиками в горах.

Я ехала, уверенная, что влюблена в Джону. А осталась, по уши влюбившись в это место.

Сразу согласилась, когда мне предложили постоянную работу. Более высокая и ответственная должность, чем я могла бы получить в крупной больнице, хорошо смотрелась в резюме; к тому же я лично набрала сюда многих сотрудников.

Большинство врачей и медсестер были молоды. Те, кто еще не осел, не обзавелся семьей, кого ничто не удерживало на одном месте. Люди, открытые новым возможностям. Сентрал-Вэлли преобразился благодаря больнице, вокруг которой городок просто расцвел. Сове-

менный и блестящий, отстроенный на бывших аграрных землях, он вобрал в себя лучшее из обоих миров. Как и я, город был молодым.

Центр функционировал в замкнутом цикле, снабжая себя всем необходимым. Здесь стояли свежевыкрашенные викторианские дома с отремонтированными верандами и современным ландшафтным дизайном. Ближе к окраине – жилые комплексы со стеклянными спортивными залами и по большей части пустующими детскими площадками. Поначалу аспирантура предоставила мне жилье как раз в одном из таких комплексов.

Здесь все было разительно не похоже на тот городок, откуда я приехала – в семи часах езды к западу. Уидоу-Хиллз, штат Кентукки, – милое местечко с зелеными аллеями и типовыми домиками в ряд, где уже как минимум два поколения не появлялось ничего нового. Похоже, никто не хотел открывать свое дело в городе с таким названием¹. При этом тоскливость названия была совершенно необъяснима. До моего несчастного случая городок был вполне безопасным местом для жизни. По крайней мере, так писали в газетах.

Сентрал-Вэлли предлагал более активный образ жизни. Город привлекал определенный тип людей – тех, кто предпочитал открытые пространства, причем в любую погоду. Готовых пожертвовать удобством ради приключений, стабильностью ради любопытства.

Здесь же... «Здесь», как я говорила кандидатам на работу, можно кататься на лыжах, ходить в походы и спускаться по реке на резиновых лодках. «Здесь» всегда можно открыть что-то новое – в окрестностях и в самом себе. «Здесь» можно стать тем, кем всегда мечтал стать.

Достаточно повторить много раз – и сама в это поверишь.

Каждый день по дороге на работу я проезжала мимо дома с табличкой «Продается». Каждый день подмечала там что-то новое: листья, которые меняли цвет и опадали, птичью кормушку, балкон перед окном второго этажа, дорожку из плитки на газоне.

Дом чем-то меня притягивал. Он отдаленно напоминал первый дом, где мы жили с мамой. До того как появились репортеры и деньги. До переезда в типичный пригород с белым забором из штакетника – первый шаг из целой череды шагов, которые перенесли нас на несколько штатов на север, в итоге вернув в никуда.

Когда мой временный контракт закончился, я осталась работать в больнице, но потеряла субсидию на жилье. И первым делом позвонила по номеру на той табличке.

Джона видел дом, когда я только въехала. Он фыркнул и заявил, что теперь я окончательно одичала. На мое возражение – мол, дом всего в нескольких минутах птичьего полета от центра, – Джона тут же ответил, что, употребив выражение «птичий полет», я лишь подтвердила его слова.

Раньше я тратила немало времени, гадая, что значили его слова. Никогда не могла понять, есть ли в них хоть какой-то смысл или он сотрясает воздух от нечего делать.

Я быстро оделась. Скользнула в кроссовки. Наскоро заколола волосы в пучок. Перед выходом вытерла кровь с деревянных половиц.

Сообщение Джоны я решила проигнорировать.

В трех кварталах от больницы, на пересечении дороги к моему дому с остальной цивилизацией, находился круглосуточный продуктовый магазин – одно из немногих мест, появившихся одновременно с городом. Он назывался «Бакалея и другое» – и трудно было представить себе более подходящее название. Здесь продавались готовые обеды и изоленга, журналы и гвозди, аспирин и вино. Владельцы быстро поняли важность круглосуточного универсама для больничного персонала с ненормированным рабочим графиком.

В семь с небольшим утра машин перед магазином почти не было – не сравнить с после-полуденной толчеей.

¹ Widow Hills – Вдовьи Холмы (англ.).

Внутри тихо звучала классическая музыка. Из-за яркого освещения, в котором невозможно определить время суток, и нелогичного расположения товаров здесь создавалась иллюзия безвременности. Рядом со строительными материалами – вращающаяся стойка с чипсами. Сразу за углом, в холодильниках, – фрукты и мороженое. У кассы – кофейный автомат. Продавец утренней смены сидел за прилавком, уставившись в телевизор, где без звука шел старый черно-белый вестерн. Парень чуть повернул голову, когда дверь неслышно закрылась у меня за спиной, закупорив нас внутри.

Я взяла у входа корзину и направилась прямо к скобяному отсеку. Хождение во сне, скорее всего, больше не повторится, а лишний замок все равно не мешает. Впрочем, важно не перестараться: в случае пожара несколько секунд, потраченных на возню с замком, могли стоить жизни. Как и включенная в бессознательном состоянии плита. Или если выйти, не просыпаясь, на дорогу. Попасть под машину. Заблудиться. Угодить куда-то.

Дверные крючки лежали под грудой всевозможных замков и защелок, но в конце концов один из них переместился ко мне в корзину. Едва свернув в проход, я столкнулась с женщиной.

– Ой...

– Простите, – сказала женщина. – Не заметила.

Наши корзины зацепились, и мы поставили их на землю, чтобы разъединить.

Белесые волосы, собранные сзади в хвост, резко очерченные скулы. Кто-то из больницы, но без форменной одежды я узнала ее не сразу. Мысленно прокрутила калейдоскоп лиц, снимая стетоскопы, нагрудные бирки, больничные халаты... Доктор Бриттон из «Скорой помощи»! Сидни.

– Эй, Сидни. Привет.

Она медленно выпрямилась, держа корзинку на руке, – на ее бледной коже образовалась вмятина под весом готового обеда для микроволновки и бутылки красного вина.

– Лив? Ох, я тебя даже не узнала. Я прямо после смены. – Она чуть подняла руку, и корзина закачалась. – Хотя не оправдываюсь.

Она глянула в мою корзину – пустую, если не считать дверного крючка, – и свободной рукой потерла глаза.

– Извини, побегу, а то свалюсь до того, как запищит микроволновка. А мне еще «Закон и порядок» досматривать.

– Приятного просмотра, – сказала я. Затем свернула в следующий проход и несколько секунд пыталась вспомнить, что за спиртное стояло у Рика в шкафу. Остановилась на бутылке рома похожей формы и оттенка – в качестве благодарности и извинения.

Прежде чем расплатиться, я задержалась перед автоматом с кофе.

– Любопытный набор, – произнес продавец. Веселый, приветливый парень неопределенного возраста, где-то между двадцатью пятью и сорока годами, и с заразительной улыбкой – даже в такую рань.

Он отсканировал крючок и выбил цену за кофе, который я себе только что налила.

– Такой уж у вас магазин, – отозвалась я. Тоже не стала оправдываться.

Продавец прыснул, однако, заметив спиртное, перевел взгляд с бутылки на меня и обратно.

– Удостоверение личности?

Я вытащила карточку из бумажника; продавец, прищурившись, взял ее у меня из рук.

За моей спиной что-то упало. Я повернулась с улыбкой, ожидая увидеть Сидни, задевшую какую-нибудь коробку. Чего только не бывает от переутомления и недосыпа. Вместо коллеги за вращающейся стойкой с чипсами стоял мужчина в джинсах, рубашке с коротким рукавом и бейсболке.

Моя улыбка испарилась, плечи напряглись.

По тому, как он на меня смотрел, я сначала подумала, что это кто-то из знакомых. Но помешало какое-то предчувствие. Давно выработанный инстинкт. Сразу стало не по себе, когда человек резко отвернулся, вращая стойку с чипсами и ни на что не глядя. Знакомое чувство, которого я не испытывала уже давно, – за мной следят.

Все сходилось: в день годовщины несчастного случая десять лет назад журналисты тоже возникали откуда ни возьмись. В проходах супермаркетов, у входа в школу, у стены соседского дома. Они появлялись из-за каждого угла в городе, как в фильме ужасов.

Мне тогда было шестнадцать, я училась в старших классах. Помню интервью в новостях с учителем английского, который описывал меня как примерного ребенка, хорошую ученицу, немного тихую – по понятным причинам. Мать тогда выступила на ток-шоу – предложение, от которого, по ее словам, мы не могли отказаться, хотя я-то с ней не пошла. По телевизору даже показали наш новый дом. Размыли на нем цифры – можно подумать, это что-то меняло. И еще мою фотографию из школьного альбома.

Следующие полгода нас заваливало письмами от самых разных людей.

«Мы за тебя молились...»

«Ох, как же ты выросла...»

«Считаешь, что можно не отвечать тем, кто тебе помог, неблагодарная сука...»

Нам пришлось опять переехать – на этот раз в Огайо. Отчасти поэтому я и сменила имя. Чтобы начать все заново, уже взрослой. Поступить в колледж другим человеком. Свободным от прошлого.

Теперь до двадцатой годовщины оставалось меньше двух месяцев. Неужели репортажи появятся, даже если меня не выследят? Неужели по прошествии стольких лет тот случай все еще кого-то интересовал?

– Всего хорошего, Оливия, – сказал продавец, протягивая мне удостоверение личности. Я сунула карточку обратно в бумажник и еще раз оглянулась. Мужчина исчез.

– Спасибо, – буркнула я и, не поднимая головы, направилась к раздвижным дверям.

И тут увидела его снаружи. Он поджидал меня, прислонившись к синей машине, припаркованной рядом с моей. Перед ним на капоте лежал развернутый сэндвич, купленный явно в другом магазине.

– Привет, – как бы между прочим сказал незнакомец, откусывая кусок. Явно не торопился.

На стоянке, кроме нас, – никого. Я открыла дверь машины, не выпуская ключей из рук, – сработал давнишний инстинкт.

Прожевав и проглотив, мужчина указал на меня сэндвичем.

– А я тебя знаю.

– Вряд ли, – отрезала я.

Всем своим видом он походил на журналиста. Дело было не в одежде или машине, они-то как раз были нетипичными, а в манере небрежно медлить, притворяясь, что вовсе меня не поджидал.

– Оливия, верно?

Я уже захлопнула дверцу, на ходу прорабатывая в уме пути к отступлению. Подсчитывала, сколько секунд у меня на то, чтобы завести машину и выехать со стоянки, прежде чем он последует за мной. Ни секунды на сомнения. Я родилась со здоровым инстинктом самосохранения и привыкла доверять своей интуиции.

Торопясь уехать, я на него едва взглянула. Даже если бы меня спросили, я не смогла бы описать его иначе, как белого мужчину среднего роста и средней комплекции. Правда ли он меня знал или услышал мое имя в магазине?

Что бы он ни искал, мне следовало молчать – уже научена. Ведь он так легко мог разрушить все, что я создала, мою добытую с таким трудом анонимность. Возвратить то, от чего

пришлось бежать из Уидоу-Хиллз. Здесь мои шрамы не вызывали недоумения – «операция после несчастного случая», как я всем говорила и не врала. У меня было законное новое имя. Я придерживалась правды во всем: «Переехала сюда из Огайо учиться в колледже; потеряла связь с семьей; еще в юности мне перепали кое-какие деньги».

Никакой лжи.

Люди склонны заполнять пробелы так, как им хочется. В мои обязанности не входило их поправлять.

СТЕНОГРАММА ИНТЕРВЬЮ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

18 октября 2000 года

Да, видел ее однажды у нас на крыльце. Я в тот день заступал в шестичасовую смену и собирался выйти около пяти. Сначала собака залаяла – открываю дверь и вижу ее, темно еще было.

Я спрашиваю: «Милая? Где твоя мама?» Не мог припомнить имени.

А девчушка развернулась и ушла. Я даже не понял, что она ходила во сне.

Жаль, никому тогда не рассказал. Но кто ж знал.

Стюарт Госс

Житель Уидоу-Хиллз

Глава 4

Пятница, 08:00

У РАБОТЫ В БОЛЬНИЦЕ есть немало преимуществ. Легкий доступ к врачам и медсестрам, закулисный взгляд на то, как все работает, личные связи, помогающие записаться на прием в последнюю минуту.

Однако то, что выигрываешь в смысле доступности, теряешь в конфиденциальности. С тех пор как я устроилась в больницу Централ-Вэлли, я почти не посещала врачей. Ведь я видела их каждый день на работе. Мне пришлось бы поделиться своей историей болезни. Меня передергивало от одной мысли, что подробности из моего прошлого попадут в нашу систему и коллеги узнают, что в детстве мне зашивали руку, а когда я выросла, оперировали ее по новой, что рука толком не поднималась из-за рубцовой ткани, наросшей вокруг плеча. Узнают другие странности, которыми могут заинтересоваться.

После того как та история закончилась и занавес опустился, остались вещи, которые не вписывались в тщательно продуманный медицинский бланк: травма после операций; необычно затянувшийся процесс выздоровления; не отпускающее ощущение, что за мной постоянно наблюдают.

Сейчас мне нужно было всего лишь снотворное, чтобы крепче спать. Что-нибудь легкое. Безвредное.

С главного входа наша больница напоминала скорее роскошную загородную гостиницу с газонами и тропинками для прогулок, с удобными скамейками, где посетители и сотрудники могли отдохнуть. Я всегда оставляла машину на служебной стоянке и пользовалась черным входом, подальше от отделения «Скорой помощи». Мой коллега Беннетт обзывал меня гермофобом, но у меня были на то веские причины: только начав здесь работать, я подхватила жуткий вирус. В первую же зиму я слегла с бронхитом и так сильно кашляла, что повредила себе ребро. После чего у меня обнаружили стрептококк, потом опять что-то вирусное, потом непонятно отчего выступила сыпь.

В нижнем ящике стола у меня всегда лежал антисептик, и я держалась в метре от посетителей, чтобы не пожимать им руки. Беннетт говорил, что со мной люди чувствуют себя неловко. Зато я не болела.

«У тебя выработался иммунитет», – говорил он. Однако рисковать я не собиралась.

Обычно я поднималась по лестнице, сторонясь лифта – самого ненавистного мне достижения техники. Раздвижные двери, единственный выход, стальная коробка. Я обходила лифты за версту, по очевидным причинам избегая замкнутых пространств.

Единственные признаки жизни в это время дня подавал сувенирный магазинчик. Из кафетерия дальше по коридору доносились запахи завтрака, но обычная утренняя суета еще не началась. Открыв ключом дверь с лестничной клетки на третьем этаже, я вышла в пустой коридор. Наше крыло было закрыто для пациентов, сюда входили только сотрудники, набрав код на двери в одном конце коридора или отперев дверь с черного входа в другом. Предосторожность больше касалась не офисов, а больничной аптеки и ординаторской.

В такой ранний час большая часть административного персонала еще не подошла, хотя впечатление могло быть обманчивым. Сотрудники передвигались неслышно – все носили кроссовки на резиновой подошве или кроксы. Пришлось отказаться от каблуков, иначе мое приближение слышалось за версту и нервировало даже меня.

Мой кабинет находился посередине коридора, и тут же за углом – больничная аптека и ординаторская, стратегически расположенные друг напротив друга.

В другом конце коридора, за двойными дверями, ведущими в палаты пациентов, мелькали тени. Я остановилась у входа в ординаторскую и заглянула в маленькое прямоугольное окошко. Спinoй ко мне стояла шатенка с вьющимися волосами и смотрела в телефон. Ординаторская была открыта для медсестер всех отделений, но эту женщину я не узнала.

Я осторожно попятилась к аптеке. Затаив дыхание, опустила локоть на ручку двери, чувствуя, как она поддается.

Охрана у нас была не самой строгой, и мне, как никому, полагалось об этом знать. Я входила в комитет, изначально утвердивший список приоритетов больницы, исходя из наших потребностей и возможностей. Лишних средств у нас никогда не водилось, так что организация системы безопасности стояла в самом конце списка. Сошлись на охране в реанимации и полиции в приемном покое. В остальной части режим остался более свободным, особенно после того, как на входах в закрытые зоны установили кодовые замки. Мало кто запирает дверь в аптеку, потому что на каждом ящике с лекарствами висел кодовый замок. Выявление и сокращение излишних расходов входило в мои обязанности.

Не включая свет, я принялась один за другим открывать ящики. Хотя в больничной аптеке велся строгий учет, бесплатные пробники от фармацевтических компаний сваливались просто так рядом с пробирками, бинтами и шприцами – оборудованием, не относящимся к лекарствам. Во всяком случае, я считала, что если лекарство не заперто, то оно не представляет опасности. Должно же среди образцов найтись какое-нибудь снотворное. Что-нибудь, что заставит меня отрубиться и сохранит в таком состоянии, перезапустит мои внутренние часы и вернет мне ощущение стабильности.

В первом ящике лежали в основном наружные мази и кремы. Я открыла второй, перебирая коробки в поисках снотворного. Таблетки от изжоги, общие обезболивающие и противоаллергические средства. Названия было трудно разобрать в темноте, пришлось наклониться поближе, чтобы рассмотреть пачки в глубине ящика.

Дверь распахнулась без всякого предупреждения, заставив меня отскочить; рука больно стукнулась о шкаф.

Такая реакция меня выдала. Сердце бешено колотилось, ноги одеревенели. На пороге стоял Беннетт; он подождал, пока дверь захлопнется, и щелкнул выключателем. Мы оба моргнули, пытаясь приноровиться к внезапно яркому свету.

– Что ты здесь делаешь, Лив?

Беннетт Шоу был моим самым близким другом в больнице. Хотя особого опыта длительных дружеских отношений у меня не было, я думала, что после двух с небольшим лет работы в одном и том же месте, регулярных обедов и полурегулярных ужинов нас, вероятно, можно было назвать друзьями. Годом раньше он даже приглашал меня к себе домой в Шарлотт на День благодарения, сказав, что у него большая семья и лишнего рта никто не заметит.

А еще Беннетт был человеком высоких нравственных принципов и строго следил за соблюдением правил. В медицине так быть и должно. Что-то упустить, забыть, опоздать – чревато последствиями. От этого зависит жизнь людей. Тогда как я могла позволить себе некоторую халатность, занимаясь материально-техническими аспектами работы больницы и заботясь о том, чтобы деньги текли в нужном направлении. Если я отставала, то нагоняла. Если отправляла неверную информацию, то могла извиниться и дослать правильную. В моей работе не существовало непоправимых ошибок.

В принципе, мне нравилось то, что Беннетт придерживается правил. Когда растешь в условиях полной непредсказуемости, организованность кажется благословением. Я знала, чего ожидать от него и что он ждет от меня.

– Надеюсь, у тебя есть оправдание. – Беннетт шагнул вперед. Его голос – нарочито глубокий и спокойный – не оставлял сомнений: коллега рассержен и лучше не вилать.

– Я плохо сплю, – сказала я, рассчитывая, что тот поймет.

Он лишь повысил голос:

– Мелатонин. Бокал вина. Горячая ванна. Что угодно, только чтобы ноги твоей здесь больше не было.

Я покачала головой:

– Пробовала – не помогает. Вот и решила взять пробник.

Я изобразила наивность, но Беннетт не повелся. Он отступил в сторону и скрестил руки на груди в демонстративном ожидании. Я толкнула дверь.

– Тогда поговори с Келом, – сказал он.

– Каким еще Келом? – спросила я, но дверь между нами уже захлопнулась, оставив меня гадать, что же я натворила.

Я проторчала на совещаниях до самого обеда и всякий раз, проходя мимо, заглядывала в ординаторскую. Беннетта я не видела с тех пор, как он застукал меня в аптеке. Беспрерывно прокручивала ту сцену в голове, и с каждым разом она казалась мне все ужаснее.

Меня мучило при мысли о том, что он подумает, что скажет, что сделает. Он был главным медбратом отделения, я – администратором больничного крыла, то есть мы имели сопоставимые должности в разных иерархических цепочках. В итоге мы часто сотрудничали, подчиняясь при этом разному начальству. Беннетт работал здесь уже четыре года, начав буквально через несколько месяцев после открытия больницы. Он участвовал в ее становлении практически с нуля и принимал ее судьбу близко к сердцу.

Он мог сообщить об инциденте. Более того, это входило в его обязанности.

Я села за стол и занялась поиском «Кела» в кадровой базе данных, пытаясь выяснить, к кому меня отсылал Беннетт. В конце концов наткнулась на подходящее имя: доктор Келвин Ройс, специалист по расстройствам сна. Биография и персональные данные сопровождалась фотографией.

– Мама дорогая, – произнесла я вслух. Мне повезло, что я сначала увидела фото и могла морально подготовиться, прежде чем столкнусь с ним лицом к лицу.

Келвин Ройс был нереально красив.

В дверь тихонько постучали.

– Войдите, – отозвалась я.

В кабинет вплыл стакан с кофе, за ним – рука.

– Я пришел с миром, – сказал Беннетт еще из-за двери.

Впервые за все утро я почувствовала облегчение. Коллега поставил кофе передо мной на стол и плюхнулся на диван. Он сам помог мне перетащить сюда диван в обмен на свое неограниченное им пользование, объяснив это тем, что в тишине моего кабинета ему спокойнее, чем в ординаторской. Я редко запирала дверь, поэтому часто заставляла его здесь. Обычно он спал, свесив с подлокотника длинные ноги и прикрыв согнутой рукой глаза, пока его часы не начинали пищать, и он резко садился, как вампир в гробу.

Я развернула к нему экран – в знак раскаяния. Беннетт поднял одну бровь.

– Да у тебя и правда бессонница.

– Прости, – сказала я. – Не думала, что это такое уж страшное преступление.

Он провел ладонью по узкому лицу. Острые скулы, немного скошенный подбородок, русые волосы и карие глаза. Когда Беннетт был чисто выбрит, ему без документов не продавали спиртное. Даже пациенты порой жаловались и просили настоящего доктора, хотя ему было уже под тридцать.

Моего коллегу легко было представить себе ребенком. В нем проглядывала детскость, и он с этим смирился. Даже не пытался маскироваться костюмами и небритостью. Младший из пяти братьев и сестер, он привык к подобному отношению. Я об этом знала, хотя и не ездила к нему на прошедший День благодарения. Он охотно рассказывал о своей семье, в то время как я при каждом удобном случае пыталась отдалиться от ребенка, которым была когда-то.

На фотографиях в прессе двадцатилетней давности больше всего бросалась в глаза копна вьющихся каштановых волос, слишком большая для шупленькой девочки. Так что я еще в колледже осветлилась почти до блондинки и по утрам выпрямляла волосы феном. С каждым годом старалась все меньше походить на ту девочку и до сегодняшнего утра считала ее неузнаваемой. Верила, что наконец-то зажила своей настоящей жизнью.

– Да нет, это я перегнул, – сказал Беннетт. – Просто у нас уже были случаи пропажи лекарств, и я... – Он махнул рукой. – Прости, поспешил с выводами.

Похоже, с меня обвинение сняли.

– Я тебя понимаю.

– К тому же что-нибудь стоящее ты искала бы в запертых ящиках. А не среди всякой бесплатной хрени.

– Возьму на заметку. – Я ткнула в экран. – Ну а это? Ты шутишь?

Он хмыкнул.

– Доктор Кел. Кстати, он сам настаивает на таком обращении. Во всяком случае, в ординаторской его все так называют. Не смотри ему прямо в глаза, и все обойдется.

Какими бы ни были сексуальные предпочтения Беннетта, я его явно не интересовала. Он никогда не распространялся о своей личной жизни, как и многие в нашей больнице. Здесь каждый мог выбрать: выставлять свое прошлое напоказ или держать его при себе. Мы жили настоящим. Мы смотрели в будущее.

– Он что, в сговоре с дьяволом? Врач, да с такой внешностью? И почему я о нем раньше ничего не слышала? – спросила я.

– Потому что тебя не бывает в ординаторской. Поверь мне. Последние недели все только о нем и говорят. Работает у нас с прошлого месяца.

Вот почему я его не знала – он пока не засветился ни в одном отчете. А к новому сотруднику было легче попасть на прием.

– Ну так что, до вечера? – спросил Беннетт, вставая.

Обычно, работая по субботам, Беннетт пропускал пятничные посиделки. Если забегал с нами выпить, то долго не задерживался, говоря, что ему надо домой. Хотя по тому, как он все время проверял свой телефон, я подозревала у него более интересные планы. В ответ на мои подколки – «Свидание с красоткой? Вариант получше?» – он только улыбался, явно наслаждаясь своими тайнами – и моей досадой – как забавной игрой.

– Ты и правда собираешься провести с нами вечер? – спросила я.

– Просто мне сообщили, что моя бывшая в городе, так что не откажусь от поддержки.

Расчет был верный – волна любопытства, заставившая меня выпрямиться, его довольная улыбка при виде моей реакции – парень знал, что попал в точку.

– Твоя бывшая? – проговорила я, глядя в компьютер. – Ладно, приду, если смогу. – Эхо его обычного ответа. Только я не кривлялась. Я правда валилась с ног.

– Пожалуйста, не оставляй меня с Элизой одного! – взмолился он.

Элиза была у нас новенькая; в разговоре она доверительно наклонялась, прикасалась к руке и делала большие глаза, даже если сообщала что-то нейтральное вроде «напитки сегодня за полцены». Она мне сразу понравилась. Напомнила тех девчонок в старших классах и колледже, которые спрашивали друг друга: «Ну что, мы куда-нибудь идем? Что возьмем на обед?», тем самым автоматически делая себя – а заодно и меня – частью компании.

Она начала работать в больнице еще весной и в первую же неделю установила правило встречаться по пятницам – на что я безуспешно пыталась уговорить и Беннетта. То есть безуспешно до сегодняшнего дня.

Я глотнула кофе.

– Какая гадость... Ты все-таки шел меня наказывать?

Он взял стакан у меня из рук, снял крышку, сделал глоток и поморщился.

– Каюсь, кофе в ординаторской закончился, а я не умею его заваривать.

– Ты рискуешь вызвать бунт. Народ и не из-за такого увольняется.

Всего несколько месяцев до того, ко мне зашла женщина с усталым взглядом, которую я едва знала, и неожиданно заявила об уходе. На мой вопрос о причине она ответила, что ее «достал запах горелого».

«Хотя, похоже, никто этого больше не замечает», – пожаловалась она.

Я попросила показать, где именно. В конце концов, безопасность больницы попадала под мою юрисдикцию.

«Нет-нет, не здесь. Я про жилой блок говорю».

Она имела в виду квартирный комплекс, где поначалу жила я. При ее словах на меня пахло обожженным пластиком, горелыми крошками в тостере – и прошло.

Я ее поняла. В тех многоквартирных блоках всегда было неуютно. Роскошные удобства, но все стерильно и лишено индивидуальности. Квартиры занимали в основном врачи и медсестры, еще не решившие, оставаться ли им здесь, поэтому мы все старались подстроиться под сверхурочные рабочие часы и круглосуточные смены. Мы привыкли говорить шепотом, придерживать двери ногой, чтобы те не хлопали, при разговоре стоять близко.

Работая в сфере здравоохранения, мы, как никто, понимали, что наше здоровье, да и само выживание, напрямую зависит от того, смогут ли медицинские работники как следует отдохнуть между сменами. Однако тишина и постоянные изменения в расписании ломали суточный ритм. Кому-то удавалось приспособиться, кому-то нет.

«А вы не можете просто переехать?» – спросила я.

Женщина поморщилась, подразумевая, что уже слишком поздно. «Я сделала, что могла. Пора возвращаться». Она оглядывала мой кабинет, словно ее преследовал тот запах. Будто ждала, что он вот-вот появится.

Оно и к лучшему. На ее место взяли Элизу.

Но тот разговор напомнил мне о том, что все мы ходим по краю пропасти. Когда неотвязная мысль червем заползает внутрь и больше не отпускает. Вроде бы какая-то ерунда, которая засядет в голове, и ее уже не стряхнуть. Пока она не проникнет во все. Пока все мысли не сведутся к этой одной мелочи – ее наличию или отсутствию – и ты не начнешь медленно сходить с ума.

ЗАПИСЬ ПРЯМОГО ЭФИРА С ГЭРИ САЙМОНОМ,

МЕТЕОРОЛОГОМ 9-ГО КАНАЛА, ОКРУГ КУК

18 октября 2000 года

Мы стали свидетелями рокового стечения обстоятельств.

Земля перенасытилась влагой из-за рекордного количества осадков в сентябре. Ведь земля до определенной степени – как губка. В какой-то момент она просто не в состоянии больше впитывать.

В ночь с понедельника на вторник над нами очень медленно прошла гроза, так что нас заливало в течение нескольких часов. Между двумя и четырьмя часами ночи выпало более 50 миллиметров осадков. Может показаться не бог весть что, однако несущийся поток воды в 15 сантиметров способен унести машину. Как вы думаете, сколько воды достаточно, чтобы смыть маленького ребенка?

Глава 5

Пятница, 17:30

СЕКРЕТАРША КЕЛВИНА РОЙСА оставила мне голосовое сообщение: доктор задержится и примет меня после работы. Сначала она пыталась назначить прием через две недели, но я возразила, что дело «неотложное». Волшебное слово – особенно от коллеги по больнице.

К тому времени как я вышла из кабинета, административное крыло опустело до своего утреннего состояния.

Я поднялась по лестнице на два этажа и вышла на пятом, где находился кабинет доктора Кела. В коридоре было темно, полоска света выбивалась лишь из-под одной-единственной двери; во всех остальных кабинетах работа на сегодня, по-видимому, закончилась.

Я постучала, прежде чем повернуть ручку, заглянула внутрь. Секретарша собиралась, поглядывая на часы за спиной.

Мое появление заставило женщину подпрыгнуть.

– Ох, – выдохнула она, прижав руку к груди. – Оливия? – Яркие накрашенные губы расплылись в дежурную улыбку. – Мы вас ждали. Проходите, доктор у себя.

Она уже сложила вещи в стоявшую перед ней сумку, из которой теперь торчали каблучки.

– Спасибо, что нашли для меня окошко, – сказала я на ходу и толкнула дверь.

Доктор Кел сидел ко мне спиной, хотя явно слышал наши голоса – мы говорили совсем рядом. А может, и нет, потому что, когда он повернулся, нейтральное выражение лица мгновенно сменилось лучезарной улыбкой, как от приятного удивления. Кто знает – есть люди, которые уходят в работу с головой, забывая обо всем вокруг.

Он встал во весь свой немалый рост, жестом приглашая меня войти. В кабинете монотонно жужжал вентилятор и едва различимо играла классическая музыка.

Я улыбнулась про себя. Вот она, его фишка. Усыпляет тебя в своем кабинете – и ты здоров.

– Оливия Мейер, рад вас видеть! Похоже, у нас с вами есть общие друзья.

Не знала, что Беннетт с ним дружит. Или что доктор заранее обо мне расспрашивал. Я огляделась по сторонам, соображая, где сесть. Напротив его кресла стоял диванчик для двоих – других вариантов не было. Три подушки в сине-голубой гамме скрадывали угловатости дивана. Даже мебель продуманно клонила ко сну.

Доктор Кел устроился в кресле, подкатил его поближе и сложил руки поверх пачки бумаг на коленях.

– Ну что ж, – сказал он, – предлагаю начать с того, что привело вас ко мне.

Он откинул голову, не спуская с меня глаз. Я кашлянула, стараясь на него не смотреть, как в шутку советовал Беннетт. Дипломы на стене, грамоты, газетные статьи в рамках – шрифт такой мелкий, что невозможно прочесть. Я так и не поняла, развешивал ли он случаи из практики или выставлял напоказ собственные регалии.

Скорее последнее.

В его кабинете, как и в нем самом, все было просчитано. Судя по выжидающему выражению лица и повернутому вполоборота телу, Келвин Ройс точно знал, как выглядит. Наверняка угол наклона головы и улыбка отрепетированы перед зеркалом. И спал он с отбеливателем для зубов или как минимум с маской на глазах. Доктор закинул ногу на ногу, обнажив игри-

вый носок ядовито-зеленого цвета с собачьими косточками – видимо, для обезоруживающего эффекта. Подводит к разговору. Наводит мосты.

Я сделала вывод, что передо мной социопат. Всегда проще не поддаваться чьему-то обаянию, если раскусить человека с самого начала.

– Прошлой ночью я ходила во сне, – честно сказала я. То есть выдала настоящую причину своего прихода. «Неотложная проблема со сном», как я объяснила его секретарше.

Доктор Кел медленно наклонил голову, не меняя выражения лица. Даже не моргнув.

– Раньше с вами такое случалось?

– Только в детстве. Почти двадцать лет назад. Я думала, что давно это переросла. Или вылечилась. По крайней мере, эпизоды больше не повторялись.

Доктор опять кивнул.

– Вы проходили тогда какое-то лечение?

О том времени у меня сохранились очень смутные воспоминания. Толпы разных докторов. Осмотры и проверки; предоперационная и послеоперационная терапия, пока моя мать не решила, что от них больше вреда, чем пользы.

– Да, мне прописали лекарство, и снохождение прекратилось, – сказала я, давая понять, что разбираюсь в собственном состоянии и знаю, как себе помочь. От него требовалась лишь подпись.

– Значит, вам давали в детстве лекарство? – переспросил он, слегка наклонив голову, на этот раз в другую сторону. Так четче вырисовывалась линия подбородка.

– Ну да, – сказала я.

– А какое? – Доктор приготовился записывать.

Я вспомнила стук таблеток в янтарном пузырьке. Запах горячего шоколада.

– Не помню точно.

Ручка замерла в воздухе. Сомнение в глазах – не сочиняю ли я на ходу?

– Странно, – протянул он.

Не хотелось рассказывать, что случай и в самом деле был странный. Несмотря на жуткую грозу, я умудрилась, не просыпаясь, выйти на улицу, где меня смыло бешеным потоком воды.

Вот почему я доверяла своим неосознанным порывам больше, чем рациональным мыслям. Потому как в глубине души знала, что во мне есть внутренняя сила. То, что заставило меня выжить. Та, которой я себя не помнила, смогла выдержать немыслимое испытание, пока в течение трех дней ее искали.

Именно поэтому я знала, что поступила правильно, сменив имя. Порвав с Джоной.

Именно поэтому я выбрала этот дом и до сих пор не сменила замки. Поэтому купила в магазине крючок. Поэтому сидела теперь здесь.

Чем меньше я пыталась разобраться в происходящем, тем яснее представляла себе, что делать.

– А сейчас вы что-либо принимаете? – Ручка замерла над желтым блокнотом. – Ведь снотворные зачастую являются причиной снохождения. Включая те, что отпускаются без рецепта.

– Нет. И боюсь, мне придется распрощаться с надеждой получить их от вас.

Доктор чуть улыбнулся.

– Расскажите поподробнее, что вы делали вечером, – попросил он. – Перед тем, как легли.

Обычный вечер. Столкнулась с Беннеттом на выходе из больницы, мы зашли перекусить в кафе на противоположной стороне улицы, прежде чем разойтись по домам.

– Да ничего особенного. – Я пожала плечами. – Поужинала с приятелем, дома доделала кое-какую работу, посмотрела телевизор, немного выпила и легла спать.

Вышло и правда скучновато.

– А что вы пили?

– Вино.

Даже слегка прогорклое, вино помогало мне расслабиться в конце дня.

– Алкоголь способствует хождению во сне.

– Что-то раньше не способствовал, – заметила я. – Да и выпила я каких-то полбокала.

Я никогда особо много не пила. На старшем курсе ходила на всякие тусовки с ребятами из колледжа, пока однажды не напилась до беспамятства и больше с ними не связывалась.

Мы тогда пришли в соседнее общежитие, и парень, который, насколько помню, мне нравился, затащил меня в кладовку под лестницей. Не знаю, сколько прошло времени, но все закончилось тем, что я выскочила оттуда разъяренная, а парень вывалился вслед за мной, согнувшись и держась за свой окровавленный нос.

Уже на следующий день историю знали все; соседи по общежитию поздравляли меня, объявляя всем и каждому, что, мол, к девчонке из 423-й лучше не приставать! Вот только сама я была не уверена, защищалась я или просто пыталась вырваться из темного замкнутого пространства.

Девчонку из 423-й по-настоящему не знал никто.

С тех пор я не давала застать себя врасплох, панически боясь впасть в состояние, когда тело не подчиняется сознанию. Психотерапевт, с которой я недолго общалась в старших классах, объясняла мою постоянную потребность считать шаги и выходы посттравматическими симптомами, которые наложились на животный инстинкт самосохранения. Защитный механизм, помогающий мне почувствовать себя хозяйкой положения.

Полбокала вина под телевизор – часть моего вечернего ритуала; вино, как правило, успевало испортиться до того, как заканчивалась бутылка. И вчерашний вечер не был исключением.

Доктор Кел слегка откинул голову, не сводя с меня изучающего взгляда.

– Расскажите-ка о себе, – попросил он.

– То есть? – опешила я.

Он покачал ногой в воздухе – вдруг я не заметила собачьи косточки. Выжидал, когда я сама заговорю, выдам что-то личное. Наконец не выдержал и решительно опустил ногу на пол.

– У вас напряженная жизнь?

– Да. – Не стала вдаваться в подробности, он же не психолог.

– Мне известно, какая здесь обстановка. – Его улыбка вышла несколько натянутой. – После окончания рабочего дня основная работа только начинается, верно?

– В каком-то смысле да.

До сих пор я особо не жаловалась. В подобных местах переработка была обычным делом. Мы все работали сверхурочно, в больнице и дома, и общая усталость нас только спланивала. Она распространялась даже на тех, кто, как я, занимался администрацией. Одни принимали пациентов, другие сидели на совещаниях; а после рабочей смены мы приводили в порядок бумаги, вели научные проекты или решали другие накопившиеся дела. Мы все так жили, и сознание этой общности поддерживало нас на плаву.

– Я замечаю, что с возрастом такой режим дается все труднее, – добавил доктор Кел, хотя, насколько я могла судить, ему было не сильно за тридцать, и выглядел он прекрасно. – Вам следует больше о себе заботиться. Выкраивать время для отдыха. Вести здоровый образ жизни. Правильно питаться. Заниматься спортом.

Я невольно усмехнулась, и доктор искренне заулыбался, очень довольный, что ему удалось до меня достучаться. Только я, по правде говоря, вообще не замечала ни накапливающейся усталости, ни недостатка витаминов или энергии, пока он не начал все это перечислять. Под его взглядом я вдруг осознала все то, чего я не делала ради собственного здоровья. Кофеин вместо кальция – потенциальные дырки в костях. Готовые обеды на скорую руку. Пакет с чипсами, схваченный в кафетерии вместо яблока. Постепенно накапливающийся стресс, мой взбунтовавшийся организм. Элементарные вещи.

И все-таки.

– Я надеялась на нечто более конкретное и достижимое, – сказала я. Вместо мантры «изменись сам – измени свою жизнь».

Доктор Кел вздохнул и откинулся, усаживаясь поудобнее в кресле.

– Обычно я предпочитаю обследовать пациента перед тем, как что-то прописывать. Тем более что вы не помните толком подробностей своего заболевания. Мы могли бы поднять записи с прошлым диагнозом, но даже тогда...

Я так решительно замотала головой, что он умолк.

– Слишком много времени прошло, – запротестовала я. Двадцать лет с тех пор, как я ходила во сне, и десять – с последнего общения с психотерапевтом.

Доктор выдержал паузу.

– И тем не менее, – сказал он, – одними таблетками делу не поможешь. Мы должны докопаться до причин расстройства. Определить возможные факторы стресса, изменить привычки. Попробовать сначала обойтись без лекарств, у которых могут обнаружиться нежелательные последствия. Убедиться, что у вас действительно снохождение, а не эпилепсия, например. – Он бегло просмотрел бумаги у себя на коленях, как бы ища в них ответы на мои недосказанности.

– Я во сне вышла из дома, – выпалила я. – Меня обнаружил сосед.

Доктор вскинул голову: глаза широко раскрыты, челюсть напряжена. Первый признак эмоции. Даже воодушевления. Можно подсмотреть, что скрывается под непроницаемой маской.

– Вы живете одна? – спросил он.

Вопрос выходил за рамки того, чем я была готова поделиться с социопатом.

– А это имеет отношение к делу?

– Важно предупредить людей рядом с вами. – Он шелкнул ручкой, раз, другой. – Мне хотелось бы исследовать ваш сон.

– Вы хотите наблюдать за мной во время сна?

– Не я один.

– Час от часу не легче.

– Очень смешно, – сказал он, не смеясь.

– Видите ли, у меня на это нет времени, – решила я перевести разговор. – Уверена, что вы понимаете.

Не хватало еще стать подопытным кроликом. Я не собиралась помогать начинающему доктору самоутверждаться за мой счет на новом месте.

Он опять подался вперед, переплел пальцы и опустил их на колени.

– Ну хорошо. Предлагаю встретиться еще раз в начале следующей недели.

Потом доктор Кел встал, прошел мимо меня, приоткрыл дверь. Сидящая за столом секретарша подняла голову; она ждала, когда мы закончим, чтобы наконец уйти домой.

– Джесси? – позвал он. – Назначьте Оливии прием на следующей неделе.

Получив такой недвусмысленный намек, я поднялась.

– А пока мне что делать?

– А пока попрошу вас задокументировать ваш распорядок. Когда вы ложитесь, когда просыпаетесь. Любые отклонения и что вы делали до того. Запишите время. Не волнуйтесь, – добавил доктор, – мы доберемся до сути.

Он положил руку мне на плечо, заглянул в глаза, подбадривающе улыбнулся.

Вблизи я заметила у него под подбородком порез. Крошку на воротничке. Отсчет пошел, пока я улыбалась в ответ.

ЗАПИСЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА С САЛЛИ ХОЛМС

И ГОСТЕМ ПРОГРАММЫ, ИНЖЕНЕРОМ-СТРОИТЕЛЕМ ЛУ ДЖОРДАН

19 октября 2000 года

САЛЛИ ХОЛМС: Расскажите нам о системе водоотведения, про которую все говорят.

ЛУ ДЖОРДАН: Ну, значит, вся вода в дренажных системах округа стекает к югу. Если девочку, как мы полагаем, затянуло через сломанную решетку северного водоприемника в центре города, то оттуда к югу идут четыре развилки, разделяющие поток воды.

СХ: Насколько я понимаю, именно около того водоприемника нашли ее кроссовку. Если она действительно попала в трубу, там есть хоть какой-то воздух?

ЛД: Во время ливня – нет. Трубы, как правило, заполняются под завязку. Все сплошь вода, никакого воздуха. Но у труб в нескольких местах предусмотрены люки. Их двадцать три, если быть точным. Вода могла подняться достаточно высоко и вытолкнуть ребенка близко к поверхности.

СХ: То есть вы хотите сказать, что девочка могла бы добраться до одного из люков?

ЛД: [Пауза] Такая возможность не исключена. Только что толку? Все водоприемники наглухо закрыты железными решетками. И когда поток стал бы сходить, она потом все равно опустилась бы вместе с уровнем воды.

СХ: А ведь на нас надвигается новая гроза.

ЛД: Да, ночью опять польет.

СХ: Есть ли хоть какая-то надежда, что девочка еще жива?

ЛД: Не могу сказать наверняка. Я всего лишь инженер.

СХ: Тогда как инженер, который разрабатывает такие системы, что бы вы сейчас посоветовали? Выкачали бы из них воду?

ЛД: До следующего дождя не успеем. Что до меня, я бы искал. И молил бы Бога, чтобы ее нашли до наступления ночи.

Глава 6

Пятница, 19:30

ЭЛИЗА И БЕННЕТТ были уже в баре, хотя поначалу я увидела только Элизу. Она чуть ли не лежала на стойке, призывно махая бармену, который уже спешил с улыбкой в ее сторону.

Элиза всегда оказывала на людей такой эффект. Даже на Беннетта. Несмотря на то что он называл ее слишком жизнерадостной, слишком шумной, слишком собой. Ее невозможно было смутить или выбить из колеи. Я знала, что Беннетта невольно радовало ее общество. Элиза вечно сражалась со своими темными, слегка выющимися волосами, то откидывая их с лица, то заправляя за уши; впрочем, порой она собирала их в небрежный хвост на макушке. Она никогда не производила впечатления собранности, что придавало ей своеобразный шарм.

– Вот видишь, – сказала Элиза, обращаясь к Беннетту. – Говорила же тебе. Она всегда приходит.

Беннетт поджал губы и отвернулся, явно смутившись, что его застали за разговором обо мне. Формально Элиза была его подчиненной, и он старался поддерживать с ней некую видимость профессиональных отношений.

– Я просто поинтересовался, – пробурчал он, поднимая наполовину выпитый стакан пива. – Что такого? Ты опаздывала.

Элиза поднялась, мимолетно обняла меня, чмокнула воздух у щеки, как обычно делала при встрече вне работы, – будто мы давно не виделись. Касание руки, мимолетный аромат ее кокосового шампуня. Беннетт хмыкнул. В первый раз, когда он заскочил с нами выпить, она приветствовала его точно так же. Тогда приятель посмотрел на меня, как сейчас, с той же полуулыбкой, наклонился и повторил ее приветствие, смеясь мне на ухо: «Мы так теперь здороваемся?» Шутка, понятная только нам.

Иногда я видела в Элизе несостоявшуюся версию себя. Возможно, дело было в волосах – так выглядели бы мои собственные волосы, если их отрастить и не осветлять. Или в том, как она шла по жизни, видя в каждом союзника, друга; как легко и непринужденно сходилась с людьми. При взгляде на Элизу на меня порой накатывала ностальгия по чему-то недостижимому.

– Задержалась у доктора, – сказала я Беннетту, пока Элиза залезала на стул. – Посмотрела ему в глаза и забылась.

Он прыснул, отпивая из стакана, закашлялся.

– Я тебя предупреждал.

Потом спросил, уже серьезно:

– Ну и как?

Я заняла свободный стул рядом. В баре собралось больше народу, чем обычно.

– Ничего особенного, – ответила я, зная, что уже заслужила его прощение.

Элиза переводила взгляд с меня на Беннетта и обратно, пытаясь понять, о чем речь. Я сама терпеть не могла, когда оказывалась по другую сторону шутки, когда всем вокруг смешно, а ты не догоняешь.

– Мне нужен был новый рецепт, – объяснила я, махнув рукой.

– А-а, – кивнула она, мало что понимая, но уже теряя интерес.

– Спасибо. – Я потянулась за одним из трех наполненных до краев стаканов, стоящих на барной стойке. Дружба – это когда тебе заказывают пиво, как только ты появляешься в дверях.

– Кстати, сегодня кто-то про тебя спрашивал, – сказала Элиза. Беннетт непонимающе посмотрел на нее, та замотала головой. – Еще до того, как ты пришел. Эй, Тревор, – крикнула она, жестом подзывая бармена. – Кто тут интересовался Лив?

Тревор обслуживал клиента, но жестом попросил его подождать и направился к нам. Сонный взгляд, оливковая кожа, темные волосы и татуировка с соколом на руке – выхолощенный образ типичного бармена. Зато к Элизе он был явно равнодушен. Бросался к ней по первому зову, неизменно расплываясь в улыбке.

– Какой-то взрослый мужик. С проседью, – ответил бармен.

– Симпатичный? – кокетливо спросила Элиза.

Он усмехнулся.

– На любителя.

– Таких Оливия и предпочитает, – пробурчал Беннетт.

Элиза широко распахнула глаза, а Тревор даже потупился, срочно занявшись мокрым пятном на стойке.

– Извиняюсь, конечно. – Мой коллега выставил вперед ладони, ничуть при этом не раскаиваясь.

Когда мы с Джоной начали работать в больнице, наши отношения ни для кого не были секретом, хотя все притворялись, что ни о чем не догадывались. Беннетт был единственным, кому я сообщила, что мы расстались.

Мы тогда стояли в очереди на завтрак и двигали подносы. Беннетт на секунду замер и закатил глаза. «Наконец-то у нее мозги встали на место», – изрек он, беря банан. Довольно паршиво вот так обнаружить, что человек, которого считаешь близким другом, все время принимает тебя за дуру.

Теперь я пропустила его реплику мимо ушей.

– Чего он хотел? – спросила у Тревора.

Бармен облокотился на стойку и заговорщически понизил голос, тем самым давая понять, что он на моей стороне, а не на Беннетта.

– Он не сказал. Спросил только, здесь ли Оливия Мейер.

Я слегка оторопела. Мне и в голову не приходило, что бармен знает мою фамилию. С другой стороны, он ведь попросил у меня удостоверение личности, когда я заказывала в первый раз. Да и расплачивалась я обычно кредиткой.

– Я ему сказал, что ты не появлялась, – продолжал бармен. – Он ответил, что хочет с тобой встретиться. – Тревор пожал плечами, оглядывая толпу. – Больше я его не видел.

Черт бы побрал этого Джону! Я проверила телефон – никаких новых сообщений. Наверняка вспомнил про меня, потому что собирался приехать. Вот и решил заодно повидаться. Скорее всего, встреча в больнице по поводу его научного проекта или того хуже – обсуждение нового контракта. Он, разумеется, знал, где застать меня в пятницу после работы.

– Ты была в курсе, что он приезжает? – спросил Беннетт.

– Нет, – процедила я сквозь зубы.

– Кто? – вмешалась Элиза, наклоняясь поближе.

– Да ее бывший. Профессор, – манерно проговорил Беннетт. Чтобы я живо представила себе, как он называл Джону за моей спиной.

– Пожалуй, мне пора, – сказала я.

Я потянулась за сумочкой, однако Беннетт схватил меня за запястье.

– Лив, пожалуйста, ты ведь только что пришла. – Он отпустил мою руку. – Прости, – добавил почти беззвучно, чтобы увидела только я.

– Я страшно устала, – сказала я. Очередная правда.

– Надо же, – проговорила Элиза, одновременно пытаясь убрать волосы в хвост. – У меня и мысли не возникло, что это твой бывший парень.

Она тогда еще у нас не работала. Никогда с ним не встречалась и уж точно не слышала о нем от меня.

– Да он и на бывшего парня-то не тянет, – отмахнулась я.

Что как бы и было частью проблемы. Джону вполне устраивали наши неопределенные отношения, пока я не набралась решимости и не порвала с ним. Я не ставила ему ультиматум. Мне просто надоело.

У него вечно находились отговорки.

«Мне не следует...»

«Что подумают люди...»

«Что скажут в аспирантуре...»

«Я должен заботиться о репутации...»

При этом он без проблем продолжал со мной встречаться. Причем все знали. И насколько мне было известно, в аспирантуре на это никак не реагировали. А что касается его репутации, то она, по-моему, ничуть не страдала от того, что он спал с аспиранткой. Чего нельзя было сказать о моей...

Возможно, Беннетт, сам того не понимая, попал в точку. Мне нравились мужчины постарше. Меня тянуло к тем, кто уже не пытался замаскировать свои комплексы идиотской бравадой. К тем, кто мог сказать: «Вот что мне нравится. Вот чего я от тебя жду. Вот что предлагаю взамен». С уверенностью, которая означала, что они уже знали и принимали себя такими, какие есть.

Наверное, Джону привлекало во мне как раз обратное.

Пиво почему-то потеряло вкус, стало каким-то водянистым.

– Ладно, вот это допиваю и иду спать.

Мой приятель облегченно оглядел бар.

– К слову о бывших, – сказал он, показывая на вход.

Он всегда так извинялся, делая маленькие уступки. Сообщая о себе какую-нибудь новую подробность, прекрасно сознавая, что давно пора было ею поделиться.

Я проследила за его взглядом. В дверях стояла длинноногая девушка в повседневном черном платье, по плечам струились светлые волосы. Она выглядела потрясающе. Я обалдела.

– Ни фига себе, – выдохнула Элиза, ткнув Беннетта в плечо. Тот не шелохнулся. Иногда, как сейчас, подруга промахивалась со своей непосредственностью.

– Почему я ничего о ней не знаю? – спросила я.

– Потому, – медленно начал он, – что ты никогда не спрашивала.

Должно быть, я заметно подскочила на месте, потому что он тут же поднял руки, как бы отказываясь от своих слов.

– Это было еще до тебя, Лив. Она работала в «Скорой» меньше года, ушла за месяц или два до твоего прихода. Мы встречались всего каких-то полгода.

Однако несколько лет спустя он все еще называл ее «своей бывшей» и для встречи с ней нуждался в подкреплении. Нехилые, видимо, были полгода.

– Как ее зовут? – спросила Элиза, не спуская глаз с девушки на другом конце бара.

Беннетт перевел взгляд с меня на Элизу и ответил:

– Кира.

Вот где моя ошибка. Мне следовало спросить раньше. Или хотя бы теперь. Наверное, мы никогда не обсуждали наши прошлые отношения из-за Джоны. Я избегала деликатной темы – ведь предполагалось, что это секрет.

Я считала, что достаточно знала о жизни Беннетта: не женат, пятый и младший ребенок в семье, вырос на юге Шарлотта, откуда уехал, по его словам, чтобы не быть в тени братьев и сестер. И еще что вне работы он преображался.

Все то, что лежало на поверхности. Ничего личного вроде: «Она тебя бросила? Ты по ней скучаешь? Ты сегодня с нами ради нее?»

Опасные вопросы. Если не хочешь, чтобы совали нос в твое прошлое, держись подальше от чужого.

– Она здесь надолго? – спросила я.

Беннетт помотал головой, не спуская с девушки глаз.

– Приехала навестить бывших соседок по комнате. Выходит замуж, хочет попросить их быть подружками невесты.

И тут я услышала в его голосе боль. Поняла, что она для него значила.

Я почувствовала себя нагромождением изъязнов, как перед этим в кабинете доктора Кела. Ясно, почему Беннетт мной не интересовался. Ясно как день.

Он расстался с ней буквально перед моим поступлением. О них наверняка ходили слухи – я хорошо знала атмосферу в больнице. Приятного мало. Должно быть, Беннетт тяготел к новым лицам, для которых он не был частью пары, кому не пришлось бы выбирать сторону. Тут-то я и подвернулась – дружба по расчету.

Он поерзал на стуле, его колени коснулись моих.

– Лучше пойти поздороваться – или сделать вид, что не заметил?

– Лучше пойти поздороваться, – ответила я.

Отхлебнула слишком много, проглотила слишком быстро, пиво встало мне поперек горла.

Беннетт чуть улыбнулся, взял свое пиво и пошел, даже не оглянувшись. Кира заулыбалась ему и приобняла одной рукой. Ее друзья расступились, и он шагнул в их круг. И больше оттуда не вышел. Начал болтать, смеяться. Прекрасно изображая радость, если она и вправду причинила ему боль.

Я повернулась к Элизе, которая что-то нашептывала Тревору, перегнувшись через стойку. Он смеялся и мотал головой. Потом взял ее руку и, продолжая улыбаться, написал ей что-то на ладони.

За спиной хохотали. Заиграла музыка, я перестала слышать собственные мысли. Рядом кто-то курил или только что вошел снаружи, и от него несло куревом.

– Я, пожалуй, пойду, – почти прокричала я, наклоняясь к Элизе.

Та посмотрела на меня долгим взглядом, нахмурилась.

– Что-то не так?

– Неважно себя чувствую.

Я оставила на стойке наличные, с лихвой покрывавшие мою выпивку.

Все было не так. Свет, звук, ставшее вдруг кислым пиво. Мне не терпелось уйти, происходящее застало меня врасплох. Элиза посмотрела на Тревора, потом на меня, не зная, как ей поступить.

– Да оставайся. Просто мне лучше пойти домой.

– Завтра созвонимся?

Разобрать ее слова можно было только по губам. Она едва коснулась моего запястья, но прикосновение обожгло, и мне пришлось сдержаться, чтобы резко не отдернуть руку.

Я поставила машину на газоне, так как на стоянке места не было. Стоянка и прилегающие улицы хорошо освещались. Когда же на развилке я свернула от центра, меня окружила темнота, и стал проступать старый город. Кривые улицы со стертым и потрескавшимся асфальтом; давно заброшенная заправочная станция, полностью заросшая травой, из которой торчала, как зомби, единственная колонка – классическая сцена апокалипсиса.

Я осторожно свернула на свою улицу, петляющую через лес и не освещенную ничем, кроме слабого света домов, стоящих довольно далеко от дороги. Из-за каждого поворота мог выскочить олень.

Въезд к моему дому трудно различить в темноте, разве что по силуэту двух почтовых ящиков – моего и Рика. Повернув, я заметила сквозь деревья свет в доме соседа. У меня на крыльце свет не горел. То ли я впопыхах забыла его включить, то ли лампочка в конце концов перегорела, о чем Рик предупреждал уже давно. Он все время твердил, что надо заменять лампочки и батарейки в детекторе дыма, не дожидаясь, пока они сами перегорят или сядут. Въехав во двор и выключив фары, я пожалела, что его не послушалась.

Семнадцать шагов до крыльца. Слабый свет из-за живой изгороди. Я включила фонарик на телефоне и посветила им перед собой. Поднимаясь по ступенькам, услышала в кустах какую-то возню.

Три шага до двери. Я затопала ногами, как учил Рик, чтобы заявить о себе. Дать понять животным, что я не трусиха, не добыча, что меня стоит бояться.

Ключ повернулся в замке, дверь за мной захлопнулась. Я щелкнула выключателем на крыльце, чтобы испугать ночных зверей вокруг, но лампочка не зажглась. Тогда я бросилась включать свет во всем доме, пока не услышала монотонное жужжание электричества над головой.

Из-за попытки справиться с нахлынувшим одиночеством. Тихого звучания дома после шума в баре. Того, что Беннетта по-прежнему цепляла бывшая подружка, с которой он, наверное, сейчас веселился, у Элизы назревал роман с Тревором, доктор Кел с его внешностью был не иначе как маньяком, а Рик не снимал обручального кольца, хотя давно жил один.

Из-за того, что мне было плохо, я чувствовала себя оторванной от всех, мечущейся в темноте.

Я подошла к холодильнику, вылила остатки вина в бокал. Потом взяла телефон и отправила сообщение Джоне: «Я о тебе тоже думаю». Потому что так оно и было, а это что-нибудь да значило.

Звук рингтона вырвал меня из сна. Я машинально потянулась к тумбочке и неожиданно ударилась обо что-то твердое.

Глаза начинали привыкать к слабому свету, по телу пробежал озноб. Все еще ничего не соображая, я вдруг ясно различила шорох листьев над головой и стрекот сверчков. Слабый свет от дома Рика.

Опять тот же звук. Пропущенный звонок на телефоне. Наверное, я уронила его где-то здесь, в темноте.

Сделав несколько шагов в направлении звука, я оперлась о дерево. Жесткая кора, покрытая чем-то липким и вязким. Я поднесла к лицу испачканные ладони, потеряла пальцы – они слипались.

Телефон вдруг зазвонил. Защищаясь от колючих веток, я шагнула в кусты и споткнулась. Упала на колени, меня пронзила жгучая боль. Попыталась встать, опершись на какую-то корягу, но почувствовала под рукой что-то мягкое.

Змея – пронеслось в голове. Я резко отпрянула, прежде чем успела что-то сообразить.

Однако тень на земле не шелохнулась. Телефон продолжал трезвонить. Я поднялась, шагнула ближе. Ткнула босой ногой в темный силуэт, на этот раз почувствовав знакомую шероховатость джинсов.

Вокруг все замерло.

Внезапная мысль захлестнула сознание. Я раздвинула ветки, всмотрелась: очертания тела, рук, головы.

Человек!

Из горла вырвался крик. Я отшатнулась. Закрыла глаза, пытаюсь успокоиться.

Иногда при пробуждении сон и явь переплетаются. Одно эхом отзывается в другом. Так что человек мог мне просто померещиться: сейчас отойду назад, вернусь в дом, залезу в кровать, и утром не останется ничего, кроме неясного ощущения обреченности. Неприятный осадок в памяти, от которого передернет по пути к машине.

Однако ветер не оставлял сомнений. Его симфония на траве у моих ног не могла быть игрой воображения.

Глаза распахнулись от ужаса, их жгло на ночном ветру.

Сколько времени я здесь простояла? Когда это произошло?

Я опять посмотрела на руки, и без того зная, что они в крови.

Позади меня чернела распахнутая дверь дома. Однако я рванула в противоположную сторону. Через распростертое на земле тело. Сквозь живую изгородь. На бегу цепляясь за кусты. К дому Рика.

Потому что, когда год назад я прибежала к нему, испугавшись змеи, сосед сначала выскочил с ружьем и только потом объявил ее безвредной. После хотел даже отдать ружье мне – мол, сам в случае чего вовремя до него не добежит, к тому же у него есть другое. Я не взяла, все равно не умею им пользоваться.

Дом Рика олицетворял безопасность. Сосед всегда знал, что делать.

И даже сейчас: он все понял, едва открыв дверь. В то время как я, оглядываясь, пыталась объяснить, что случилось.

– Там человек... в кустах...

Я протянула к нему ладони – ярко-красные при свете из открытой двери. Рик окинул меня быстрым взглядом, задержав его на руках.

– Помогите мне, – беззвучно сказала я, и сосед наконец сообразил, что кровь не моя.

Он втянул меня за рукав в дом и запер дверь; внутри было очень жарко, зато я чувствовала себя в безопасности.

Рик не пошел ни за ружьем, ни за телефоном. Долго стоял, прильнув к окну и всматриваясь в темноту; трясущиеся пальцы прижимались к стеклу, запотевшему от его дыхания. Перепахканная и дрожащая, я ждала, пока он скажет, что делать.

Наконец Рик повернулся и посмотрел на меня невидящим взглядом. Будто сквозь меня. А потом проговорил каким-то чужим голосом:

– Иди вымой руки.

СТЕНОГРАММА ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ПОЛОМ ПАРСОНОМ, ДИРЕКТОРОМ КЛИНИКИ СНА, ЛОНГБРАНЧ

19 октября 2000 года

У детей такое часто бывает. Причем у большинства проходит с возрастом. Родителям, которые знают или подозревают, что их ребенок ходит во сне, следует принять меры предосторожности.

Повесьте на двери звоночек или что-то такое, от чего ребенок сможет проснуться. Уберите из комнаты лишнюю мебель и бьющиеся предметы, чтобы дети случайно не поранились.

То, что произошло с этой девочкой, – несчастный случай. Трагедия. И, к сожалению, такое неизбежно, несмотря на все старания уберечь наших детей.

Как правило, эпизоды снохождения не сопровождаются никакими инцидентами. Обычно дети в таком состоянии всего лишь повторяют привычные для них действия. Однако важно понимать, что бывают и другие расстройства, куда более проблематичные и опасные, чем само по себе хождение во сне.

Если ваш ребенок, не просыпаясь, бегает, дерется и вообще ведет себя неадекватно... это не снохождение. Это признаки расстройств другого рода.

И тогда есть все основания для беспокойства. Потому что в таком случае дети могут представлять опасность для себя и других.

Глава 7

Суббота, 02:00

РИК ВЫШЕЛ, не захватив с собой ничего, кроме фонаря. Ни ножа, ни ружья. Только бросил мне через плечо: «Иди уже».

Я нетвердой походкой отправилась в ванную, куда заходила лишь однажды. Стены в желтоватых, потускневших от влажности обоях, стук капель из душа за занавеской.

Я сразу отметила про себя все выходы: дверь, через которую я только что вошла, другая, приоткрытая, в спальню, дальше за кроватью – окно. Кровать почему-то заправлена. Бессонница, подумала я, вспомнив слабый свет, исходящий от этого дома в любое время суток, даже в глухую ночь.

В слепящем свете ванной кровь выглядела чуть ли не фарсом. Буффонадой. Кран пришлось открыть локтем. Пальцы дрожали, хотя я пустила горячую воду. Отдернула руки, только когда обожглась – даже кожа покраснела.

При виде льющейся воды в памяти всплыла лежащая на земле тень. Я представила себе очертания тела. Тишину вокруг. То, что увидит Рик.

Луч фонаря по земле. Приближающиеся шаги...

Я закрыла глаза. Может, ошиблась? В темноте было толком ничего не разобрать. Вдруг это просто какой-то пьяный, который упал и поранился до крови?

Когда вода стала прохладней, я намылила руки по самые локти, вычистила грязь из-под ногтей. Никаких следов крови не осталось, только приторный, почти удушливый запах лаванды.

Я осмотрела себя. Повертела руки: малозаметная царапина у запястья. Верх от пижамы чистый, штаны грязные, одна штанина порвана у колена. Только сейчас почувствовав растекающееся по ноге онемение, присела на край ванны, закатала штанину. Из глубокой раны на коленке текла кровь.

Оторвав немного туалетной бумаги, я прижала ее к ране, потом открыла шкаф под раковину – посмотреть, нет ли бинта. Пузырек с лекарством, кусачки для ногтей, полотенца стопкой. Маленькое ведерко для мусора, за которым в самом углу что-то засунуто. Что-то черное и металлическое...

Я взгляделась получше, отодвигая ведерко, и отпрянула. Холодный предмет выпал из рук с глухим стуком, и я почувствовала, как подскочил пульс.

Пистолет.

Спрятанный пистолет. Не ружье, запертое в сейфе в другом конце коридора. А тут, под рукой, в двух шагах от спальни. В трех шагах от гостиной.

Я слышала шаги Рика на крыльце, размеренные и твердые. За мусорным ведерком лежала черная изолента. Я зубами оторвала кусок, обмотала коленку и опустила штанину.

Вроде хорошо. Все хорошо.

Открылась и закрылась входная дверь, шаги на минуту замерли на пороге. Возможно, опасность миновала. Тот человек пришел в себя, Рик помог ему подняться, дойти до машины...

Машины я не заметила. Или не посмотрела?

Я помнила свет от дома Рика, темноту собственного дома. Распахнутую дверь. Машины не помнила...

Шаги у ванной, стук в дверь.

– Лив? Ты там как?

– Секунду, – отозвалась я. Осторожно, не дыша, прикрыла шкафчик.

– Лив, мне придется позвонить в полицию.

Молчание.

– Ага, – произнесла я, обращаясь к собственному отражению в зеркале. Не в «Скорую», а в полицию. Значит, тот человек мертв.

Все сразу замедлилось. Дыхание, мысли, движения.

Удаляющиеся от двери шаги. Перед глазами замигали картинки: телефон, тело на земле, кровь. Покалывание в кончиках пальцев. Кислый привкус во рту – стены начали смыкаться, и капли из душа за спиной зазвучали громче, отчетливее. У меня перехватило дыхание.

Я рванула на себя дверь, на ходу глотая воздух.

Рик говорил по телефону в кухне, пока я ждала в гостиной. Разговаривая, ходил из угла в угол.

– Да, труп мужчины на границе участка. Да, мертв. Нет, не знаю. Не уверен. Не знаю.

После разговора он еще какое-то время задержался на кухне. Потом вышел в гостиную, не глядя в мою сторону. Прищуренный взгляд прикован к выходящему на улицу окну, край одного глаза нервно подрагивал.

– Долго же сюда добирается помощь, – вздохнул он. – Далеко, видите ли, для полиции.

– Рик, ты видел? Ты его знаешь?

Он повернулся в мою сторону и медленно моргнул.

– Никогда раньше не видел, насколько могу судить. Хотя там кровищи... – Он отвел глаза. Посмотрел на тумбочку под телевизором, где стояло спиртное. Повернулся, оглядел меня с головы до ног. – Ты сядь, Лив. Посиди и передохни.

Я нетвердо шагнула к дивану, хромая из-за боли и импровизированной повязки.

– Что с тобой?

– Коленку поранила, – ответила я, присаживаясь на край дивана. – Наверное, о корень.

Он нахмурился, разглядывая порванную штанину.

– Ты споткнулась. – Рик произнес это как факт, а не как вопрос.

– Ну да, – подтвердила я, и он кивнул. Я поняла, что он на всякий случай проговаривает мою версию. – Рик, я споткнулась о... тело.

Я не могла произнести имени. Того, кого боялась предположить. Не смела даже подумать.

– Ладно, – сказал Рик. – Вот и они, – добавил еще до того, как свет фар упал на занавески. – Останься здесь, я им сам покажу.

Во дворе мертвец, а кто еще бродит вокруг моего дома? Должен же тот телефон кому-то принадлежать. Мысли неминуемо возвращались к Джоне, к моему сообщению – «Я о тебе тоже думаю» – и его ответу, пришедшему буквально через пару секунд: «И что же ты думаешь?»

В этом весь Джона: вечно выискивающий подоплеку, докапывающийся до самой сути. Требующий ответов от других, только не от себя. Как естественное продолжение семинара, распространяющееся на наши отношения – с той разницей, что мы были не в классе.

На самом деле я думала о том, что напрасно ответила на его сообщение. Наконец-то я видела Джону насквозь – не как профессора Лоуэлла, который обратил на меня внимание, а как сорокалетнего мужчину, навечно застрявшего в подростковом состоянии.

Неужели он поехал сюда, не дождавшись ответа, а я легла и провалилась в сон – в дурман из вина, адреналина и усталости? Или все-таки сама написала ему, прося приехать? Может, я ответила ему во сне?

Тот случай на старшем курсе в колледже, когда я напилась до беспамятства, пожалуй, походил больше всего на хождение во сне. Я знала, что что-то произошло, видела тому доказательства, слышала, как другие об этом говорят, однако сама ничего не помнила. Очередное недоступное мне воспоминание.

Ночь и ливень, водоотводная труба. Холодная земля и затхлая вода.

Вчера я выпила один лишь бокал, и тем не менее слова доктора Кела звучали в голове как обвинение.

Снаружи донеслись голоса, и звук шагов заставил меня выпрямиться. Не зная, куда девать руки, сложила их на коленях, с силой сомкнув пальцы, которые тут же занемели.

За Риком в комнату вошла девушка.

– Лив, это Нина, – сказал он. Я сначала даже не поняла, кто она такая. Какая-то его знакомая, которая нам может помочь?

Нина шагнула в комнату, внимательно осматриваясь, – пониже меня, одетая в черную ветровку и серые форменные брюки, которые никак не вязались с ее сапогами. У нее были смуглая кожа и затянутые в хвост черные волосы.

Лицо девушки ничего не выражало.

– Нина Ригби, – представилась она. – Из полиции. Мистер Эймс сказал, что тело нашли вы.

Лицо гладкое, словно фарфоровое, – маленький курносый носик, мягко очерченные скулы, круглый подбородок; казалось, оно могло целиком поместиться у меня на ладони. Непроницаемое даже теперь, когда разговор шел о трупе в нескольких шагах от нас.

Ее карие глаза остановились на мне, и я решила, что лицо не фарфоровое, а каменное.

– Да. Уже известно, кто это? – спросила я, чувствуя, как слова царапают горло, и опасаясь, что ей слышен стук моего сердца. Старалась дышать медленно, отсчитывая секунды на каждый вдох и выдох.

Прежде чем ответить, Нина присела ко мне на диван, почти не промяв его.

– Пока нет. Но я хотела бы взять у вас показания прямо сейчас, по свежим следам. Давайте вы расскажете мне, что произошло. Как вы его нашли.

Я помедлила секунду, решая, что сказать; я привыкла говорить недомолвками. Недоговаривая, я становилась человеком с другим прошлым или вообще без него. Я подсознательно придерживалась правды, не вдаваясь в подробности. Отрывочные сведения в ответ на каждый вопрос. «Услышала звуки. Наткнулась на что-то. Да, дотрагивалась. Точно не помню. Нет, не знаю».

– А что именно вы услышали? – спросила Нина, заостря внимание на деталях.

– Телефон.

Правда. Я оттого и проснулась. Пусть думает, что сигнал разносился по двору.

– Кто это, по-вашему, звонил?

Я представила, как Джона читает мое сообщение – у себя за столом, в потертых джинсах, со стаканом виски в руке...

– Не знаю... Звук шел со стороны дома Рика, и...

– Лив за мной присматривает, Нина. Проверяет иногда, – вмешался Рик.

Опять правда. В последнее время я все чаще замечала, что у него дрожат руки, и беспокоилась. Не знала, может ли он водить. Поэтому прихватывала для него кое-какую еду из магазина, а еще иногда стучалась к нему, если не видела целый день.

Нина Ригби пристально посмотрела на Рика, как если бы читала между строк: то есть я вышла из дома, думая, что Рик нужна помощь? Неожиданный поворот, но вполне правдоподобный. Разве сам Рик не поверил бы такому?

К сожалению, сосед знал, что накануне я ходила во сне. И теперь меня покрывал.

– Вы поняли, что человек мертв? – спросила она.

– Нет... Я до него дотронулась. – В воспоминании – руки вытянуты вперед, я отбиваюсь от того, чего уже нет. – Я его ткнула... было так темно и странно, что кто-то лежит в кустах. Весь в крови. – Вязкая, липкая, когда я оперлась о дерево. – Я до дерева тоже дотрагивалась.

Взгляд Нины скользнул мне на руки. Запах мыла чувствовался за версту.

– Вымыла руки. Боялась тут все испачкать.

Опять правда. Нина едва заметно кивнула.

– А пульс вы у него щупали?

– Не помню. Вроде нет. Я сразу побежала.

– Куда?

– Сюда.

– А почему сюда?

Открытая в темноту дверь за спиной. Инстинкт, толкающий меня вперед...

– С человеком что-то случилось. Я испугалась.

– К нам тут звери наведываются, – сказал Рик. – Мы не раз их видели. И слышали.

Нина резко повернулась – первый прорыв в ее непроницаемости.

– Это были не звери, мистер Эймс.

В тишине комнаты стал слышен треск радиации, отдаленный гул голосов снаружи, захлопнувшаяся дверца машины. Нина шумно вдохнула и повернулась ко мне.

– Расскажите поподробнее о том, как вы его нашли.

Я не поняла вопроса. Разве я ей только что не рассказала?

– Шаг за шагом, от вашего дома, – добавила она, вставая. – Мистер Эймс, у вас пока возьмут показания. Мисс Мейер, давайте немного пройдемся, и вы покажете, где находились, когда зазвонил телефон. Нам важно определить, подходил ли человек сначала близко к дому или был уже мертв, когда вы услышали сигнал.

Я заставила себя встать, сморщившись от боли в коленке.

На лбу Нины обозначилась складка.

– Что с вами?

– Ушиблась, – ответила я.

– Она споткнулась, – вставил Рик, и мы обе посмотрели в его сторону.

– Упала и ударилась, скорее всего о корни. Ничего страшного, – добавила я.

Пройти напрямую нам не дали.

– Им сначала надо оцепить место преступления, – объяснила Нина.

Она включила фонарик, и мы стали спускаться к улице, чтобы оттуда сразу же свернуть к моему дому.

Пройдя пару шагов и видя, как я хромаю, Нина остановилась.

– Подъедем на машине, – сказала она. – Тем более тут темно.

Она подвела меня к машине без опознавательных знаков, открыла передо мной переднюю дверцу, потом обошла с другой стороны и села за руль.

Вблизи Нина Ригби еще больше поражала своими противоречиями. Курносый нос и опущенные уголки рта придавали ей одновременно отрешенный и суровый вид. Насколько я могла судить, она не была накрашена, но когда она взялась за руль, я заметила, что ее ногти покрыты нежно-розовым лаком.

На улице никаких машин – непонятно, как сюда попал тот человек. Наши с Риком почтовые ящики стояли рядом, и от них в разные стороны расходились подъездные дорожки.

Как только мы свернули к моему дому, резкий свет прожекторов выхватил из темноты место, где я набрела на труп. В белом жутковатом сиянии вились комары.

Около дома – только моя машина.

Нина выключила мотор, фары погасли – теперь лишь прожекторы с места происшествия отбрасывали зловещий отсвет на кусты между участками. Ломаные тени людей тянулись в нашу сторону.

– Ваш дом совсем не освещен, – сказала Нина.

– Да, надо бы заменить лампочку на крыльце.

Нина вышла, хлопнув дверцей машины, и, пока я вылезала, успела дойти до крыльца. Она стояла, уставившись прямо перед собой, но не потому, что ждала меня. Ее взгляд упирался в открытую дверь, притягивающую своей темнотой. Щелкнул фонарь, осветив крыльцо и ступеньки.

– Это вы оставили дверь открытой?

– Похоже на то, – ответила я.

Нина стала подниматься, а я облокотилась на перила, чтобы сильно не сгибать колено. Моя спутница тут же повернулась.

– Вы уверены, что можете идти?

– Да-да. Просто не хочу напрягать ногу.

На самом деле я была на пределе, почти падала без сил, что наверняка слышалось в моем голосе. Нина остановилась чуть в стороне от двери – возможно, ждала, пока я подойду. И вдруг резко толкнула дверь ногой, до конца распахнув ее и направив внутрь фонарь. Ее плечи напряглись, и на мгновение мне представилось то, что могло поджидать в темноте.

Пошарив рукой по стене, я нащупала выключатель, и в гостиной зажегся тусклый свет. Я глубоко вдохнула и задержала дыхание. Диван с подушками, все на месте. Никаких признаков чужого присутствия. Только холодно из-за открытой двери.

– Ничего, если я быстро осмотрю дом? – спросила Нина.

Я кивнула – наверное, она проводила меня на случай, если тут кто-то прячется. Хотела убедиться в моей безопасности.

Нина медленно зашла внутрь. Все еще босиком и в грязи, я ходила за ней по комнатам, чувствуя, как на холодном полу леденеют пальцы. Моя спутница включила свет в коридоре. Затем на кухне – из крана над раковиной капала вода. Затем в кабинете, захламленном и почти не используемом.

Единственным местом, куда она не заглянула, был чердак, – не заметила лестницу за дверью, напоминающей дверцу шкафа.

Войдя в спальню, Нина остановилась и щелкнула выключателем.

– Телефон вы отсюда слышали? Из спальни?

Здесь было еще холоднее, я почувствовала сквозняк до того, как увидела его источник: окно за кроватью приоткрыто, тонкие шторы колышутся. Нина подошла к окну и отодвинула шторы, не обращая внимания на незаправленную кровать и телефон на тумбочке.

Не помнила, чтобы я открывала окно. Впрочем, я даже не помнила, что вышла из дома. Может, мне опять приснился тот кошмар, когда меня обступают стены, и я искала выход.

Нина наклонилась ближе к окну, прислушалась.

– Их слышно, – сказала она себе под нос.

Теперь и я их слышала – голоса полицейских с места происшествия, которые доносил до нас ветер. Могла услышать и звонок.

Неожиданно на моем телефоне высветилось сообщение.

– Поздновато для переписки, – нахмурилась Нина.

В этот момент телефон зазвонил. Девушка взяла его с тумбочки и протянула мне – фотография на экране не оставляла сомнений, что звонили с мобильного Джоны.

Я не двинулась с места, звонок повторился. Что, если один из полицейских снаружи проверял последний набранный номер? Неужели мне придется услышать страшную новость вот так, на глазах у Нины?

– Вы собираетесь отвечать? – спросила она, чуть ли не впихивая телефон мне в руку. Я опустилась на край кровати, и кожа на коленке больно натянулась.

Я дважды промахнулась, прежде чем нажала куда нужно и поднесла телефон к уху.

– Алло? – Я затаила дыхание, каждый удар сердца отдавался в голове.

– Лив, знаю, что сейчас поздно, ты, наверное, спишь, но я должен тебе сказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.